

Александр Асмолов

A man in a black and white hooded robe is seated at a desk, writing on a scroll with a quill. The desk is cluttered with books, a globe, a candle in a holder, and a small golden vessel. The background is a dark, book-filled room with a window showing a diamond-patterned lattice.

УШЕБТИ

A row of small, identical figures, possibly representing a crowd or a group of people, standing in a line.

электронная книга

Александр Георгиевич Асмолов

Ушебти

Серия «Ушебти», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21528207
Ушебти/ Александр Асмолов:
ISBN 978-5-91146-122-5

Аннотация

Дословно Ушебти обозначают маленькие статуэтки, которые раньше египтяне клали в большом ящике вместе с саркофагом богатого покойника и его утварью в погребальную камеру. Это были фигурки слуг, которые, по представлениям древних людей, должны были выполнять за своего хозяина в ином мире всю необходимую работу. В переносном смысле Ушебти называют человека, чьё сознание подчинено воле другого. Героиня романа узнала об этом слишком поздно. То, что секреты воздействия на психику и сексуальность человека, спрятанные в тантре, одной из мистических ветвей йоги, не всегда используются с добрыми намерениями, для многих так и осталось тайной.

Это третий том в цикле Ушебти.

Содержание

Глава I. Гент	4
Глава II. Москва	35
Глава III. Антверпен	60
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Александр Асмолов

Ушебти

Глава I. Гент

Сонный гравий едва прошуршал в ответ, когда широкие шины представительского лимузина нарушили его безмятежный покой. Машина в нерешительности остановилась у серого бордюрного камня небольшой парковки рядом с ресторанчиком, приютившимся на верхушке большого холма. Огромные блестящие фары, казалось, округлились еще больше да так и застыли с выражением то ли удивления, то ли восхищения. И было от чего. Вид открывался великолепный. Почти отвесный склон холма книзу становился пологим и плавно спускался к небольшой речушке. Ее русло, словно стан восточной красавицы, томно изгибалось вокруг зеленого густого леса в низине. Раскрасневшееся солнце нависало над этой парой, увеченной нежными объятьями, и не спешило уходить. А холм словно застыл от неожиданности, натолкнувшись на такую красоту, да так и остался на этом месте, не в силах двинуться. Добавляя общую картину, он прикрыл свои склоны молодой травой до самой речки, берега которой узкой полоской светлого песка оттеняли ленивые воды красавицы, чей взгляд на закате стал темно-синим, с

золотыми искорками.

– Господи, красота-то какая, – первой не выдержала молодая женщина.

– Да-а... – поддержали трое спутников, приехавших с ней. Но она уже никого не слышала. Прикрыв от удовольствия глаза и подавшись вперед, женщина медленно вдыхала робкий аромат майских трав. В этом движении угадывался скрытый порыв романтической души, тоскующей в обличий деловой женщины. Еще час назад ее взгляд за строгими очками был сосредоточенным и серьезным, над ровной переносицей то и дело мелькала маленькая вертикальная морщинка, а длинные пальцы изящных рук уверенно пробежали по клавиатуре ноутбука, отыскивая в недрах маленькой машинки нужную информацию. Женщина все время держалась в тени своей патронессы, обеспечивая той крепкие тылы.

Первый день их короткой поездки на деловые переговоры в Бельгию прошел без единой оплошности. Все документы были правильно оформлены и появлялись под рукой у шефа в нужный момент без напоминания, слайды на экране вовремя меняли друг друга, подтверждая сказанное докладчиком, а фраза, которую патронесса не смогла быстро перевести, негромко звучала из-за спины, выручая в трудную минуту. Сейчас все это осталось далеко позади, в прохладном конференц-зале солидной фирмы, пригласившей их. Осязаемая тишина мягко обволакивала все тело, убаюкивая и на-

шептывая что-то очень родное. Легкий ветерок коснулся ее коротко стриженных волос, унося усталость и нервное напряжение. Женщине вспомнилось, как она семилетней девочкой приехала с родителями на подмосковную дачу.

Тогда конец мая выдался удивительно теплым. Разморенные жарким солнцем последние весенние дни, подобно их домашней собаке, кавказской овчарке Эльзе, уткнулись огромной мордой в пахучую траву да так и застыли там. Пышные белоснежные головки одуванчиков вокруг вздрагивали от малейшего ветерка и улетали в неведомое путешествие. Один из таких зонтиков угодил Эльзе в нос, та фыркнула и лениво перевалилась на бок. Она тяжело дышала, будто после погони в пору своей боевой молодости, огромный влажный язык вывалился, готовый лизнуть в умилении и этот зеленый луг, и маленькую девочку на нем, и старика, возившегося у какой-то постройки, и вообще весь мир, так одуряюще пахнувший теплом, новой жизнью и добротой.

Родители девочки переносили какие-то вещи из старенького «Москвичонка», припаркованного около дороги, а она с любопытством разглядывала усатого дядечку, деловито возившегося у рождающейся на глазах печки. Он ловко выхватывал огромной ладонью кирпич из большой стопки, стоящей рядом, и укладывал его на нужное место. Затем подхватывал треугольным мастерком густой раствор, разведенный в старом корытце, и одним движением ровным слоем разма-

зывал его поверх свежей кладки.

– А домовой будет? – лукаво поинтересовалась девчушка, заложив ладошки за спину.

– А как же, – тот спрятал улыбку в щеточку жестких седых усов.

– Добрый? – совершенно серьезно спросила малышка.

– Конечно.

– Откуда ты знаешь?

– Так я ведь с любовью печку вам кладу, – он оглянулся и прищурился. – Да и вы на злодеев не похожи. Отчего же ему злым быть.

– И по ночам не будет нас пугать?

– Если что не так, кликнешь меня, – он глянул на девчушку серьезным взглядом. – Макарыч я.

– Главное, чтобы не дымила, – мамины руки нежно легли на шупленькие плечи дочери, и та радостно обхватила их ладошками.

– Это можете быть спокойны, – печник встал и слегка поклонился подошедшим родителям. – Никто еще не жаловался.

– Вера, давай-ка не будем мешать мастеру, – низкий голос отца как бы извинялся за бестактный вопрос.

– А чем это так пахнет? – не унималась хозяйка.

– Так я мяты в раствор накрошил, – Макарыч кивнул на старенькое корыто. – Растопите зимой печку – и запах пойдет, – он подмигнул девчушке. – Будете меня вспоминать.

– Зачем? – удивилась та.

– А мне там теплее будет, – его морщинистые веки дрогнули, и желтоватые белки глаз с сеточкой красных прожилок устремились к голубому небу.

– Саша, пойдём... – позвали ее.

Молодая женщина вздрогнула, неохотно возвращаясь из воспоминаний в настоящее. Патронесса, сопровождаемая солидным джентльменом, уже заходила в небольшой одноэтажный дом, а на нее внимательно смотрели большие карие глаза. Их обладатель, высокий стройный помощник президента пригласившей их компании, так и не отвел своего пристального взгляда, а лишь протянул ей руку. Она смущенно извинилась за свою задумчивость и, взяв мужчину под руку, пошла с ним по дорожке к входу. Хотя туфли были на невысоком каблучке, идти по гравию все же было неудобно, и она сильнее оперлась о руку спутника. Почувствовав это, он замедлил шаг, прижимая ее локоть к себе. Ей передалось это движение, и она едва улыбнулась, но не взглянула на сопровождающего. Они шли молча. В нависшей тишине гравий понимающе шуршал под ногами, стараясь хоть чем-то заполнить затянувшуюся паузу.

– Вам понравился вид? – его приятный голос, казалось, совершенно беспрепятственно скользнул куда-то внутрь нее.

– Очень!

– Я заказал столик на веранде, – он оценивающе посмот-

рел на ее профиль. – Садитесь справа, оттуда все как на ладони. Их взгляды на миг встретились и разошлись.

Кареглазый еще утром отметил хорошенькую помощницу нового компаньона своего шефа. Неброско и очень элегантно одетая женщина выделялась на фоне дорогих мужских костюмов и расфуфыренной патронессы. Ему всегда казалось, что русские женщины не умеют одеваться, стараясь нацепить на себя самое дорогое и безвкусное. Впрочем, именно с русскими у него не было большого опыта общения, а это мнение он мог подцепить из часто повторяемых насмешек в кабинете шефа, когда там обсуждался новый проект так называемого «московского направления». Рынок, обещающий стать необъятным, и заманчивые перспективы перевешивали все опасения. Проект был привлекателен еще и тем, что, по мнению маркетингового отдела, неискушенные русские дамы помогут компании расстаться с остатками старых коллекций. Мода на женское нижнее белье, производством которого занималась компания, очень капризна, а рынок неустойчив. Приобретение их дизайнерским бюро двух итальянских модельеров сулило выход на одну из лидирующих позиций в этом секторе бизнеса, а вот со старыми коллекциями нужно было срочно что-то делать. «Московский проект» обещал быстро решить эту проблему и дать приток новых средств.

Интересно, а что носит сама помощница? Этот вопрос ка-

реглазый уже задавал себе днем, но полностью определить времени не было. Женщины с такой фигурой предпочитают изящное белье, которое ненароком можно и показать, но русская была одета в строгий деловой костюм, без намека на эротическую небрежность. Пиджак только намекал на очертания груди, и профессиональная гордость эксперта была задета. С трусиками он быстро разобрался. Когда юбка на крутых бедрах натягивалась, его опытный взгляд безошибочно определил модель «Бритни» из весенней коллекции «Адажио». Осталось только гадать с цветом. Он предположил, что это «фиалка», ну, по крайней мере, это было бы ей к лицу. А вот с грудью дело обстояло иначе. Строгий костюм русской помощницы не позволял на взгляд определить размер. Что-то между вторым и третьим. Похоже, она даже на деловую встречу не надевает бюстгальтер. Дама была уже в таком возрасте, когда животик по молодежной моде не стоило оголять, а вот грудь она могла бы преподнести во всей красе, но отчего-то не делала этого.

Тут сопровождающий еще раз нескромно окинул взглядом свою спутницу. Ей, должно быть, за тридцать, но выглядит на двадцать с небольшим. За собой тщательно следит, похожа на разведенную. Да и мелькавшая грусть во взгляде умных серых глаз подтверждала это. Среднего роста, с изящной фигуркой и очень собранными, точными движениями, в которых чувствовалась уверенность спортсменки. Коротко остриженные прямые темные волосы были уложены в стро-

гую стильную прическу. Лицо с классическими пропорциями ухожено, но макияжа почти не видно. Когда она снимала свои строгие очки секретарши и прятала их в изящный очечник с золотыми буквами, казалось, она вместе с ним прятала туда же всю официозность, превращаясь в удивительно привлекательную молодую женщину, с которой так и хочется закрутить роман. Он улыбнулся своим размышлениям. Интересы бизнеса заставляли его часто посещать демонстрации нижнего белья. Полуобнаженные красотки уже вызывали скуку своей предсказуемостью, двигаясь согласно законам дефиле, когда опытные инструкторы строго определяли каждое па на подиуме, дабы подчеркнуть особенность новой модели. Причем под моделями подразумевались отнюдь не девушки.

– Добрый вечер, – вышколенный официант в глухой, под горло рубашке и традиционным для гарсона длинном черном переднике, повязанном поверх отутюженных брюк, услужливо поклонился гостям, широко отворяя двери. – Проходите прямо и направо. Ваш столик на веранде.

– Благодарю, – она произнесла это вполоборота к ним обоим.

– Настоящая женщина, – мелькнуло у кареглазого в голове. – Она непроизвольно поддерживала интерес к себе у всех присутствующих мужчин.

Ресторан располагался в небольшом одноэтажном доме на

самой вершине высокого холма. Постройка была простой и добротной, в каждой ее детали чувствовалось, что ставили его давно и надолго. Очевидно, выбравший это место первый хозяин здания искал уединения и поселился вдали от ближайших деревень. Его дом, словно средневековая крепость, имел толстые стены и солидные погреба, куда вела лестница из дюймовых досок. Здесь можно было бы выдержать осаду небольшого отряда и ни в чем себе не отказывать несколько месяцев. Внутренний двор за увитыми плющом высокими каменными стенами сейчас использовался для парковки машин, а раньше там могли свободно поместиться несколько карет. Интерьер дома почти не изменился, разве что современная техника была искусно укрыта среди старинной мебели. Судя по записям в книге посетителей, этот ресторан круглый год пользовался большим спросом благодаря своему уединению и великолепному виду. В хорошую погоду столик на веранде был особо популярен. Опираясь на несколько массивных балок, небольшая площадка выдавалась в сторону реки и, казалось, парила над окружающим миром, создавая иллюзию полета.

– Герт, это потрясающе, – низкий грудной голос русской патронессы вырвался с таким восторгом из недр ее необъятной гренадерской фигуры, что незаметная издалека рябь боязливо тронула зеркальную поверхность застывшей внизу реки. – Вот уж удивил, так удивил!

– Ах, что вы, Натали, – тихий голос президента кружев-

ной империи явно проигрывал в этом импровизированном состязании. – Я рад, что Вам понравилось, мой дорогой партнер, – невысокий с солидным брюшком седовласый мужчина лет шестидесяти немного замялся. – Надеюсь, я вправе так к Вам обращаться?

– К черту формальности, Герт, – патронесса улыбнулась толстыми, густо накрашенными губами. – Думаю, что нам не стоит дожидаться решения совета директоров. Главное, что мы так хотим.

– Я слышал, что русские женщины очень решительны, – он по-молодецки встряхнул своей седой, аккуратно постриженной головой. – Но действительность превосходит все ожидания, – элегантно склонившись над пухлой рукой патронессы, президент едва коснулся ее губами, изображая поцелуй.

– Жаль, что нет прессы, босс, – мягко пошутил его помощник. – Очень трогательно! Мы сэкономим бы на рекламе. Я уже вижу заголовки газет: «Фламандская лилия» в Москвереке.

– Я не прочь повторить это в России, – президент все еще держал пухлую руку русской партнерши. – Если, конечно, Натали не против.

– Приглашаю на ужин в «Метрополь», там замечательный вид на Кремль, – не моргнув глазом, пробасила та в ответ. – Дату уточним.

– Милая Натали, у Вас появилось двое новых поклонни-

ков, – живо подхватил атаку шефа секретарь. – Лилия – особенный цветок. Живет только в чистой воде.

– Не беспокойтесь, моя «Орхидея» невинна, как невеста, – она мельком взглянула на свою помощницу и, поняв по ее виду, что ошибок в английском нет, уверенно продолжила: – Надеюсь, наши флористы сумеют составить достойный букет из этих редких цветов.

– Как Вы считаете, Алекс? – Герт обратился к молчаливой помощнице.

– Решение, принятое в таком красивом месте, обречено на счастливую судьбу.

– Bravo- bravo, – он бесшумно похлопал в ладоши. – Мне уже хочется стать садовником.

Молодая женщина поблагодарила седовласого президента компании взглядом и опустила длинные ресницы. Ей так хотелось расслабиться и позабыть обо всех делах, когда рядом была такая красота, но работа всегда была на первом месте. Она еще не умела извлекать приятные мелочи из официоза и была напряжена. Почти десять лет после института она проработала в архиве министерства иностранных дел и свое новое амплу помощника хозяина крупной торговой компании России осваивала с трудом. Воспитываясь в семье военного, Саша с детства привыкла к дисциплине, да и характер у нее был соответствующий, поэтому работа в полувоенном учреждении была не в тягость. Когда же после очередного сокращения штатов она оказалась выброшенной на улицу,

готова была пойти куда угодно. Хорошо, знакомые рекомендовали ее Наталье Михайловне. На первой же их встрече хозяйка компании часа два беседовала с ней, но потом быстро приняла решение и предложила Александре такую зарплату, от которой отказаться было просто невозможно. Теперь она была в состоянии не только платить по всем счетам и раздать долги, но и пригласить няню для двух дочек и не отказывать себе в женских слабостях.

Пока новоиспеченный помощник осторожно наблюдал за происходящим, не торопясь делать поспешных выводов. Порой ее удивляло, что судьба миллионных сделок зависела от ерунды или решалась за чашкой кофе. Конечно, предварительно велась подготовительная работа, но это оставалось в тени. Первые лица встречались для обсуждения спорных вопросов в комфортной обстановке и не упускали случая побаловать себя чем-нибудь приятным. Переход от дела к развлечению и обратно был стремительным. Они просто научились этому ритму и жили в нем. Как профессиональные тяжеловесы на ринге, они могли молотить друг друга по морде в течение раунда, а звук гонга превращал их в доброжелательных партнеров. Правда, вместо своего угла на ринге бизнесмены отправлялись в шикарный ресторан или круиз на белоснежной яхте, но «синяки», полученные в незримой схватке, оставались надолго, и они умело скрывали их.

– Расслабься, дорогуша, – Наталья Михайловна уже за-

курила свою любимую тонкую сигарету с двумя золотыми ободками, размякнув в удобном кресле. – Можешь скинуть пиджачок, вечер чудо как хорош.

И хотя все сказанное было тихо произнесено по-русски, кареглазый помощник вскочил, чтобы помочь молодой женщине. Она чуть привстала со своего места, и его руки умело приняли элегантный пиджак, едва коснувшись ее плеч. Это не осталось незамеченным.

– Берегитесь, Алекс, – босс был расположен пошутить. – Этого красавчика в нашей компании не зря называют Мопассаном. Он не только тезка великого Ги, но и такой же почитатель женской красоты.

Колечки дыма президентской сигары медленно расплзались над столом.

– Думаете, он посадил вас на том месте, чтобы Вы лучше видели чудесный пейзаж за моей спиной? – его поблекшие губы расплзлись в улыбке, обнажая ряд идеально сделанных зубов. – Вечером на том месте всегда яркое солнце, перед которым сможет устоять только армейская шинель.

Александра вспыхнула, понимая, что, оставшись в тонкой блузке, она теперь просвечивается, как на рентгене, но встать и пойти за пиджаком, который услужливый официант куда-то отнес, было бы равносильно признанию поражения. Она поборола в себе смущение и, откинувшись на спинке удобного кресла, демонстративно достала сигарету, ожидая, когда кто-нибудь приблизится к ней и поднесет огонек. Герт

в восхищении опять беззвучно хлопнул в ладоши, а Ги покраснел и отвел глаза.

Затянувшуюся паузу разом прикончила Наталья Михайловна. Невообразимо быстрым для такой солидной дамы движением она выскользнула из своего необъятного делового пиджака, небрежно бросив его на спинку кресла. Могучая грудь в окружении пышных кружев от такого порыва некоторое время волновалась под почти исчезнувшей в солнечном свете блузке. Это был поступок. Неожиданный и смелый, нанесенный в тыл коварному противнику. Лицо у кареглазого Ги застыло, выражая полнейшую растерянность, а полные губы Натальи Михайловны едва тронула снисходительная улыбка. Ситуация выглядела очень забавной. Герт просто скрючился над столом, сотрясаемый приступами хохота. За ним следом не выдержала Саша. Она прыснула, пытаясь ладонью удержать свой смех, но тот вырвался, и они уже смеялись во весь голос. Вскоре к дуэту присоединился грудной, раскатистый голос патронессы. Молчал лишь посрамленный Ги. Он густо покраснел и, как нашкодивший школьник, тупо уставился на свою зажигалку, которая, как назло, не хотела извлечь из своего поблескивающего тела огонек. Это только раззадорило остальных участников ужина. Герт откинулся в кресле и хохотал, встряхивая седой шевелюрой, время от времени стуча небольшим кулаком по столу, не в силах остановиться. Очевидно, всхлипы и стоны солидного трио напоминали звуки, издаваемые резвящимися бегемотами. При-

влеченные этой какофонией, один за другим начали высказывать служащие. Кто с полотенцем, кто со сковородой, они в недоумении застывали у входа на террасу, подталкивая в спину стоящих впереди. Увидев их растерянные лица, троица выдавала новые коленца раскатистого, переходящего в истерику смеха. У Саши потекли слезы и тушь с ресниц. Она отмахивалась от пунцового Ги, как от привидения, а он лишь тупо чиркал зажигалкой, войдя в какой-то ступор.

– Рядом с такими зажигательными дамами никакая зажигалка не нужна, – едва выговаривая слова сквозь смех, выдавил из себя Герт.

Тут уже не выдержали служащие. Не понимая ситуации, они были просто заражены здоровой бациллой дружного смеха и подхватывали его, внося свои голоса в крепнувший с каждой минутой хор. Самым отзывчивым оказался высокий тощий официант со строгим, даже изможденным лицом. Его высокий, срывающийся на фальцет голос сразу стал лидером и повел хор за собой в иные дали.

Раскрасневшаяся Наталья Михайловна раскинула мощные руки на подлокотники плетеного кресла, будто боялась потерять равновесие. Рожденные где-то внутри нее волны, подобные цунами, сотрясали весь организм, не щадя пышной груди. Что там стриптиз или танец живота, такое зрелище никого не могло оставить равнодушным!

Последним сдался Ги. Он капитулировал на милость победителям, которые безоговорочно приняли его в свою упи-

вающуюся хохотом компанию, и над рекой еще долго колесили раскаты смеха, приводя в замешательство местных жителей, которые привыкли, что в ресторане на холме собиралась только степенная публика.

Когда дамы, приведя себя в порядок, вернулись за стол, солнце их не дождалось. В наступивших сумерках стало прохладно, и пиджаки оказались кстати. На столе, уставленном всевозможными закусками, в маленьких плошках горела пара толстеньких свечек. Отчего-то накатила грусть. То ли от мысли, что такой яркий всплеск эмоций, возможно, больше никогда не повторится, то ли оттого, что их работа делает из нормальных людей надутых индюков, а глубоко внутри еще живут девочки и мальчики, способные быть счастливыми от ерунды.

Внизу скапливалась тьма. Она медленно поглотила реку, лес и подбиралась к верхушке холма, где стоял старый дом. Наверное, затеявший здесь некогда стройку первый хозяин был романтиком, наивно рассчитывая на то, что в его жизни света будет больше, чем у тех, кто живет в низине. Но все кончается в этом мире, потому что и сам мир не бесконечен... Над головой стали появляться звезды. Тент на веранде растягивали только в непогоду, поэтому собравшиеся за столом могли любоваться ночным небом, оставаясь в своих креслах. Свет на веранде специально не зажигали, дабы он не мешал наблюдать за первыми звездами, которые, как жуки, слетелись невесть откуда на темно-синюю поляну небо-

склона. Однако ночи в начале мая даже в Бельгии еще прохладны, и компания перебралась за стол, накрытый в доме.

Ресторан был оформлен в стиле ретро. Массивная мебель, домотканые накрахмаленные скатерти, расшитые выцветшими со временем цветами, изящная посуда почтенного возраста и столовое серебро – все располагало к неторопливому приятному ужину. Он состоял из пяти блюд, и услужливый официант терпеливо объяснял гостям особенности предлагаемых деликатесов, чтобы те смогли сделать выбор по вкусу. Свежие морепродукты (до побережья тут было чуть более сотни километров), парное мясо из окрестных ферм, фаршированная дичь, что еще утром безмятежно чистила перышки, бесконечное разнообразие сыров Бельгии и соседней Франции, сочных овощей из Испании и Греции и, конечно же, солидный выбор вин Старого и Нового Света к столу, более напоминавшему великолепную клумбу, за которой ухаживало множество умелых и заботливых рук.

Мужчины старались угодить новым знакомым из неизвестной и пугающей их России: они шутили и предлагали наперебой попробовать изысканное блюдо или вино, но быстро поняли, что состязаться с бокалом в руке с Натали им не под силу даже вдвоем. Странный обычай русских непременно что-то говорить перед каждой рюмкой и пить вместе их поначалу забавлял, но потом стал напрягать. Очаровательная Алекс была более сдержанна, чем ее патронесса, и вопреки всем стереотипам держалась за столом скорее как ан-

гличанка, чем славянка. Ее лицо немного покраснелось от вина, а взгляд стал чуточку нежнее. Если бы мужчины знали, что такое подснежник, они непременно сравнили бы молодую женщину с этим первым весенним цветком в России, который просыпается от еще робкого тепла и раньше всех тянется к свету и любви.

К полуночи были сказаны все слова и произнесены все тосты, нетронутый десерт тосковал в красивых витых вазочках, а расходиться не хотелось. Все молча курили, не решаясь произнести короткое слово «пора». Это выглядело бы как предательство чего-то необъяснимого, родившегося между ними. Четверо абсолютно разных людей чувствовали какую-то неловкость оттого, что вот сейчас все кончится и, возможно, уже никогда не повторится. Прислуга не мешала гостям, оказавшимся такими искренними и милыми людьми. Наконец где-то проснулись часы с кукушкой. Не торопясь, она отсчитала положенное время и удалилась. Полночь. Гости прощались с хозяином и поваром, пожимали руки и обещали еще раз приехать. Им так не хотелось покидать это радушное место, где им было отчего-то удивительно хорошо.

Когда машина набрала скорость, петляя по узким улочкам, Саша невольно вжалась в кресло. Ги вел солидный лимужин неуверенно, то и дело, поглядывая на экран навигатора. Оказывается, ресторан располагался далеко от того города, где они остановились, почти на границе с Францией. Да,

Бельгия – это не Россия, а вот дороги здесь на удивление хороши. В городках и поселках, которые они пересекали, было абсолютно безлюдно. Здесь издавна привыкли рано ложиться и рано вставать. Одинокая машина добросовестно дождалась зеленого огонька светофора среди пустых улиц и игрушечных площадей. После Москвы все города чистенькой Бельгии казались забавными игрушками из детства. Миниатюрная действующая модель со своими машинками, паровозиками и светофорами. Отсутствие пешеходов на улицах только усиливало это впечатление.

Наконец дорожный указатель подсказал, что они въехали в Гент Саша с любопытством разглядывала извилистые, мощенные брусчаткой улочки. Когда вчера вечером они приехали в отель из брюссельского аэропорта, то, несмотря на усталость, пошли с Натальей Михайловной прогуляться. Обилие старых домов, церквей, миниатюрных площадей с ажурной брусчаткой, красивых каменных мостов через каналы и даже подъемный мост через реку, яркие огни, зазывающие в многочисленные бары и рестораны, вселили в приезжих впечатление какой-то сказочной жизни. Из далекого прошлого или даже из детских книжек о королях и замках, в которых живут принцессы. Причем этими принцессами они сами и стали, забыв на время обо всех важных делах. Вот и сейчас спящий город вновь напомнил им вчерашние впечатления доброй и красивой сказки из далекого детства.

Согласно правилам хорошего тона, Ги первым отвез дам.

Он разбудил спящего за стойкой служащего отеля и проводил гостей до их номеров. Наталья Михайловна, устало кивнув, покинула молодых людей, а те, как школьники, никак не могли распрощаться. Ги, смущенно опустив глаза, не решился что-то сказать. Александра уже открыла дверь своего номера, но потом решительно шагнула к нему. Приподнялась на носочки и приблизилась к его лицу так, чтобы щеки их едва коснулись. Отчего-то зажмурилась и чмокнула губами рядом с его ухом. Получилось так трогательно, что она улыбнулась и легонько отстранила Ги рукой. Когда дверь за ней захлопнулась, в тишине коридора были едва слышны его шаги, приглушенные мягким ковром. Звука закрывающегося лифта она не услышала. В маленьких двух-, трехэтажных гостиницах устанавливались специальные очень медленные и бесшумные агрегаты. Подросток смог бы добежать до пожарной лестницы, подняться на следующий этаж и встретить поднимающийся лифт, но это был пожарный случай, которым никто не пользовался в этой маленькой степенной стране.

Несмотря на позднее время и двухчасовую разницу с Москвой, Саша не могла уснуть сразу. Она лежала посредине огромной незнакомой кровати, вспоминая прошедший вечер. Хотя в комнате работал обогреватель, прохладной майской ночью ей было холодно и неудобно. Осенью будет три года, как она в разводе, но привыкнуть к одиночеству

так и не смогла. Поначалу все надеялась, что муж вернется, но так и не дождалась. Первые месяцы после развода с нервотрепкой по выходным, когда они боролись друг с другом за дочерей, изводили ее до истерики. Видя это, Женька, подруга еще с института, чуть ли не силой увезла ее на две недели в Грецию. Там Саша призналась себе, что брошена некогда любимым мужем и теперь «разведенка». У Женьки хватило сил и терпения быть все время рядом. Она таскала Александру в рестораны, на все экскурсии, концерты и променады, так что в гостинице они валились без сил спать, а рано утром, как новобранцы, вскакивали первыми и неслись на завтрак. Однажды они зашли в ночной клуб, где протанцевали до утра. Самозабвенно, неистово, будто боролись с невидимым врагом. Какие-то греки терлись рядом, угощали коктейлями, пощипывали за попки и пытались затащить в укромный уголок.

На следующий день они проспали до обеда. Выйдя из душа, долго смеялись, показывая полученные синяки и вспоминая растерянные физиономии ухажеров, когда девушки улизнули от них на такси. Тогда Саша наконец осознала, что существует иная жизнь и мир не рухнул после предательства мужа. Теперь уже бывшего. Женским чутьем она понимала, к чему ее подталкивала Женька, но решиться на такой шаг не могла. Разговоры по телефону с дочерьми доводили до слез. Ей хотелось все бросить и уехать в Москву, и если бы не Женька... Да, если бы не Женька, она не выбралась бы из

того болота.

– Я твой Иван Сусанин, – посмеивалась подруга, глядя ей в глаза.

– Слушай, а почему ты со мной возишься? – спросила Саша неожиданно для себя.

– Да потому, что слепая ты, Шурка. Думаешь, это первая юбка, в которой он запутался?

Это было очень больно. Так больно, что Александра рыдала, проклиная весь мир. Несправедливый, жестокий, предьявивший ей все счета. Сразу. За наивность, за глупое благородство, за безрассудную любовь, за непростительную доверчивость. Тогда у Саши промелькнула мысль, что и Женька была одной из тех упомянутых юбок, а чувство вины перед подругой заставило ее потащиться с ней в Грецию. Может быть. Но у Александры хватило сил не расставлять все точки над «и». Она почувствовала тогда, что сможет быть иной. Хитрой, расчетливой, коварной. Не сразу, конечно, но сможет. И первое, что она сделает, это ляжет с каким-нибудь мужиком в постель. Там и случилось.

– А не пойти ли нам в хороший ресторан? – игривым тоном и холодным взглядом Саша просто пригвоздила свою подругу к креслу на следующее утро.

– Рубикон? – понимающе отозвалась Женька.

– И еще какой!

Димитрос был элегантным и напористым завсегдатаем ре-

сторанов. Он сразу почувствовал в ее взгляде призыв и решимость. Они едва общались на ломаном английском, более прибегая к языку жестов и взглядов. Женька подобострастно хихикала, когда ее пощипывал под столом смазливый Лео. Ужин был веселым и непринужденным, наверное, каким бы и должен быть в обществе молодых людей, решивших «оторваться по полной программе». Не все приезжают в Афины, чтобы ходить по музеям или слушать оперу. Немало жаждущих стремятся утолить свой голод в приключениях более прозаических и старых, как мир. Ужин при свечах, прогулка в объятьях молодого и горячего грека по ночной столице. Хмель не выветривается на свежем воздухе – он усиливается пьянящей романтикой символов. Они дремлют в каждом из нас до того момента, пока дьявольский голос не прошепчет над ухом, томно и понимающе вздыхая: «Один раз живем, и чего это ты, собственно...».

Хорошо, что у них был номер со спальней и гостиной. Наверное, у Саши не хватило бы духу заниматься любовью вчетвером на одной кровати. Какой бы пьяной она ни была. Остальное промелькнуло, как в тумане. Страстные объятия, сорванная одежда, жадные ласки, запах чужого тела. Какое-то время она не решалась снять трусики и глупо держала их, вцепившись обеими руками в узкую полоску, но Димитрос сдернул тонкую кружевную ткань с победоносным воплем. Дикарь. Впрочем, дикарь-то ей и был нужен, чтобы не терзали сомнения. А так она могла потом уговаривать себя,

что сопротивление было бесполезно. Чтобы ничего не видеть, Саша закрыла глаза и отдалась течению событий. Впрочем, она не забыла достать презерватив и «вставить его меч в надежные ножны». Да и меч-то, если признаться, был не ахти какой. Она раскатала презерватив едва наполовину, и если чувствовала что-то, так это упругое кольцо «на рукоятке меча». А «Дима» сопел, переворачивал ее то так, то эдак, стонал и что-то выкрикивал по-гречески. Саша подыграла ему в нужный момент, оставив на потной спине «меченосца» след своих коготков. Хотя ей в тот момент было почти все равно. Помнится, она даже пошалила, про себя, обращаясь к тяжело дышавшему греку: «Лучше бы в ресторане копытом стучал поменьше, может быть, и вышел толк сейчас».

Потом она курила в постели, укрывшись простыней и отнекиваясь от предложения поменяться партнерами. Рубикон был перейден, и жеребцы ее уже не интересовали. Сашу даже не удивила запрошенная сумма за «доставленное дамам удовольствие». Кивнула Женьке, чтобы та согласилась и выпроводила обоих «мачо». Потом долго и с каким-то остервенением плескалась в ванне, смывая с чужим запахом и ненужные воспоминания. Лишь одна мысль тревожила ее: как бы не подхватить чего-нибудь. Но все обошлось. Со временем в памяти остались лишь забавные моменты, над которыми они с Женькой иногда посмеивались, встретившись за бутылкой «Мартини».

Саша уговорила себя, что поступила абсолютно правиль-

но, посмеявшись над проблемой, которая стала видиться иначе. Да и обошлось дешевле, если бы она вздумала ходить к гадалкам и колдуньям, ища правильные привороты и зелья. Отрезала и выбросила.

Возвращаясь в Москву, она боялась первой встречи с бывшим мужем. Ей казалось, что он все узнает с первого взгляда и ей будет стыдно всю оставшуюся жизнь. Но он с восторгом отметил, что Сашенька посвежела и выглядит моложе. Вот тогда-то у нее и появился свет в окошке. Тусклый, предрассветный, но реальный. Она стала карабкаться из болота. Подрабатывала переводами и брала учеников, благо в Москве богатенькие родители понимали, что без английского их чадам в бизнесе не преуспеть. Купленный диплом не покажешь партнеру за переговорами, тут нужно и пошутить, и понять намек, спрятанный в случайно оброненной фразе. А Саша прошла хорошую практику в министерстве, и то, что стало ненужным государству, было востребовано частным бизнесом.

Теперь она в Бельгии. Вот ведь, судьба! Александра рискнула, как азартный игрок, почувавший момент удачи, и поставила все на одну карту. Она доверилась Наталье Михайловне. Прямая и жесткая хозяйка ей сказала напрямик: «Будешь работать честно – сделаю богатой». Почему-то Саша поверила ей, грубой и вульгарной завскладом «совковых времен». Какая-то черточка в характере Наталии манила к ней сотруд-

ников. Наверное, преданность делу. Хозяйка могла обматерить и довести до истерики, но всегда говорила, за что и без особой причины не дергала подчиненных. За поговорку «я ваш бронепоезд, который сам прокладывает рельсы» ее так и прозвали. Впрочем, она и не сопротивлялась.

Засыпая, Саша вспомнила прикосновение кареглазого Ги. Вот ведь, хитрец, но хорош. С таким можно было бы закрутить роман, купаться в комплиментах и подарках. Этот умеет обходиться с дамами и быть обворожительным. Что еще нужно разведенной женщине в тридцать три года. Впрочем, она себе никогда не лгала. Старшей Василиске летом исполнится восемь, а Дашутке осенью будет шесть. Вот о ком она должна думать. Конечно, они скучают по отцу, но безоговорочно приняли сторону матери. Особенно Василиска. Серьезная растет девочка. Вся в нее.

Карие глаза выплыли издалека и заглянули куда-то внутрь нее. Саше даже захотелось прикрыть обнаженную грудь, но руки не слушались, а пристальный взгляд все шарил по груди, бесстыдно рассматривая затвердевшие соски.

Наталье Михайловне уже не первый раз снился этот сон. В апреле, когда она с помпой отмечала в дорогом московском ресторане незаметно накативший «полтинник» и приуроченное к ее юбилею открытие пятидесятого магазина компании во Владивостоке, ей встретилось в зале до боли знакомое лицо. Сначала мелькнуло среди гостей. Она даже вздрогнула, но успокоила себя, что ей привиделось. Потом среди тан-

цующих пар. Красивое, открытое лицо с правильными чертами, в обрамлении черных кучерявых завитушек. И глаза. Большие черные, всегда чуть насмешливые. Парень танцевал с блондинкой и поглядывал на Наталью. Чертовщина какая-то, но как похож!

Это было очень давно. Наташе исполнилось четырнадцать. Олег жил в их дворе, в доме напротив. Кучерявый Аполлон, да и только. Как не влюбиться! Он оканчивал школу, а поклонницы так и вились вокруг этого красавца. Наташка не блистала красотой, уже тогда фигура напоминала молодого гренадера, но вот грудь была хороша. При еще скромной талии все блузки и платья из магазина «Одежда для школьников» могли вместить только часть выдающейся во всех смыслах женственности. Тугая, растущая, как на дрожжах, грудь рвалась навстречу своему счастью. Мать заставляла Наталью утягивать недетское богатство при походе в школу, но скрыть взволнованную девичьими мечтами красоту было невозможно.

Однажды майским вечером Наташка решила открыть избраннику свои чувства. Выждав момент, когда родители ушли в гости, она надела лучшее платье старшей сестры и выступила в дозор. Олег застыл на месте, когда перед ним из кустов выскочила взволнованная Натка. Она толком не могла ничего объяснить, но грудь была красноречивее всяких слов. Кто был жертвой в короткой рукопашной схватке, осталось тайной. Лишь сочная весенняя трава оставила свой

след на платье старшей сестры. Та задала Наталке трепку, с трудом устраняя последствия первого любовного похождения младшенькой. Однако это было ерундой по сравнению с тем счастьем, что охватило юною влюбленную. Потом Олег поступил в институт и больше не появлялся в ее жизни, но он навсегда остался ее первым мужчиной.

После юбилея Наталью стал навещать странный сон. Кто-то очень похожий на Олега присаживался к ней на край кровати и разговаривал ночь напролет. Он посмеивался над нелепостями женской судьбы и все выпытывал, как да что. Наташа отчего-то все рассказывала, без утайки.

Этой ночью чернявый появился опять. Он долго и пристально смотрел на нее, и казалось, что его зрачки сужаются в вертикальные щелочки, как у кошки. Это было неприятно. Наталье Михайловне сейчас хотелось простого секса с выносливым жеребцом, который смог бы держать заданный ею темп скачки до тех пор, пока она не скомандовала бы «в стойло». Остальное не интересовало, да и времени на это не было. После третьего развода Наташа создалась, что жить с мужчиной ей в тягость. Сильный и уверенный мужик не мог выдержать ее своенравного характера, а терпеть рядом покорного и хозяйственного она долго не могла. Судьба уготовила ей одиночество. Последние десять лет Наташа всю свою неумную энергию отдавала бизнесу, довольствуясь редкими случайными связями. Подобно тому, как для уважаемых партнеров на переговорах готовят тайский мас-

саж с девочками, не менее уважаемым бизнес-леди предлагают сауну с мальчиками, где не только пар размягчает усталые тела в вечной битве за деньги.

Однако переговоры в Бельгии шли по иному сценарию, и припасенная для ночных скачек энергия не давала покоя. А тут еще приснился этот чернявый. Наташа встала и, найдя впотьмах сигареты на столике, подошла к окну. Силуэт высокой башни на другом берегу небольшой речушки у их отеля одиноко возвышался над спящим городом.

– Вот ведь стоит у кого-то, – грубовато пошутила она. – И все зря. Такое добро пропадает.

Она закурила, разглядывая огни за окном. Ни машин, ни пешеходов, ни полиции. Зимняя спячка да и только. И вот ради этого народ в Европу рвется? Тихая, размеренная жизнь, где десять процентов дохода является пределом мечтаний. Герт гордо предложил ей партию товара, как первый этап сотрудничества. Наивный, да это за неделю разлетится только в ее московских салонах. Наташа провела рукой по необъятной груди, уныло нависшей над выдающимся животом. А вот «любимого номера» у них нет. Дикари. Все как-то мелко, от мужчин до размеров. Впрочем, нет. Вечер был чудо как хорош. Затувив окуроч, она направилась к кровати, надеясь, что чернявый более не приснится.

Ги молча вел машину. Еще минут двадцать до маленького городка, где живет шеф. По неписаным законам страны состоятельные люди не строили себе очень дорогие дома и не

покупали самые дорогие машины. Да и повседневная одежда не выделяла их среди остальных на улице или в офисе. Это считалось неприличным. Не то чтобы недостаток скрывался, он просто не выпячивался, как это бывает в развивающихся странах.

– Думаю, что тебе нужно поработать с Алекс, – неожиданно произнес Герт – Натали крепкий орешек, но, похоже, доверяет своей помощнице, и это нас устраивает.

– Хорошо, босс.

– Не торопись, чтобы не вспугнуть, но помни, что они приехали на три дня.

– Мне прокатить девочку к Анне Лаво?

– Да. Я позвоню Рафаэлю, и тебя будут ждать в замке.

– Люблю Валлонию, – Ги мечтательно улыбнулся.

– Не увлекайся, мой друг, дело прежде всего, – на лице Герта появилось выражение озабоченности. – Раф присмотрит за тобой.

– Обещаю, босс, все будет в лучшем виде.

– Ты уже обещал, что ошибок не будет, – глаза босса чуть сузились, будто встречная машина неожиданно ослепила его. – Организация слишком дорожит своей репутацией, чтобы ставить ее в зависимость от одного человека. Даже если в него вложено немало средств. Всегда помни об этом, мой мальчик.

Ги не пытался возражать или убеждать сидящего рядом усталого седого мужчину, который незаметно из президента

кружевной империи превратился в «плащеносца» – правую руку магистра, одного из трех Ариев, возглавлявших могущественный и тайный орден Европы.

Глава II. Москва

– Рад встрече с вами, друзья. Именно друзья, а иначе мне трудно будет к вам обращаться, поскольку мы будем говорить о самом важном, сокровенном, и в этом случае мы должны доверять друг другу.

Стройный, подтянутый мужчина лет пятидесяти, с приятным интеллигентным лицом, коротко остриженными темными волосами и удивительно умными пронзительно-синими глазами. На нем была свободная светло-коричневая рубашка почти до пят, с узкой ленточкой орнамента на рукавах и воротнике. Он расхаживал босиком посередине школьного спортзала, усаживая входящих участников занятий кружком.

– Меня зовут Владимир, – представился мужчина. – Некоторых из вас я уже знаю, а с остальными мы познакомимся в процессе нашего семинара. Располагайтесь поудобнее, поскольку впереди целый день занятий. Кто забыл принести с собой коврик, берите в углу мат и присоединяйтесь. Сумки оставляйте у стенки, надеюсь, вы принесли то, о чем говорилось в программке. На обед мы отвлекаться не будем, так как он входит в одно из упражнений семинара. А вот десятиминутные перерывы будем делать каждые два часа.

В спортзале некоторое время царил возня, перешептывание и смех. Человек сорок, в основном студенты и две по-

жилые пары, расстелили поролоновые коврики и постепенно притихли.

– Мы с вами будем говорить о тантре. Одной из древнейших эзотерических школ мира, являющейся системой знаний, целью которой является достижение состояния просветления, самадхи, путем познания себя самого. Сразу оговорюсь, что те, кто пришел сюда по объявлению «тантра в бане» или «тантра для бизнесменов», ошибся адресом. У нас впереди долгий разговор и ряд практик, которые являются началом долгого пути.

Владимир окинул пристальным взглядом свою аудиторию, не стесняясь, заглядывал в обращенные к нему глаза. Он дружелюбно улыбался, не прекращая говорить, но каждый слушатель почувствовал, как, погружаясь в синеву его взгляда, впускал этого человека к себе в душу. Что-то было особенное в его жестах, интонации и, казалось бы, простых словах. Хотелось молчать и слушать. Голос был приятным, негромким, даже ласковым. Он странным образом обволакивал и внушал доверие.

– Первые упоминания о тантре появились в западном мире в конце восемнадцатого века. Этот термин встречается в Англии в 1799 году когда миссионеры привезли на остров найденные в Индии трактаты. Дословно тантра в переводе с санскрита означает ткацкий станок, в то время как корень «тан» означает «объяснять, излагать, толковать, расширять, распускаться, расцветать, распространять», а «тра» означа-

ет «инструмент». В более широком толковании тантра означает тексты, книги или любую литературу, ведущую к расширению сознания, в соответствии с ее доктриной. Другими словами, это не что иное, как просто сборник текстов, если хотите, конспект, трактат, где изложены различного рода духовные и оккультные знания.

Он остановился, встретившись с взглядом худенькой невысокой девушки, сидевшей у окна. Она прислонилась к дощатой перегородке, закрывавшей батарею отопления, будто искала в ней надежную защиту. Внешне девушка была невзрачной, хотя неполные двадцать лет придавали ее облику обаяние молодости и обещали, что когда-нибудь этот нераспустившийся бутон еще удивит многих, но сейчас живой интерес умных черных глаз приводил в восторг. Как опытный лектор, Владимир отметил для себя, что эта девчушка не случайная болтушка, пришедшая на семинар узнать что-то новенькое о сексе, ее взгляд говорил о большем.

– Дать определение тантризма не так-то просто. Среди множества переводов я бы выделил один – «длительный процесс», именно в таком толковании этот термин и прежде находил применение в некоторых философских системах. Как и многие другие эзотерические школы, тантризм не возник на ровном месте, он переплетается с ранними учениями и направлениями, связан с величайшими философскими и религиозными течениями всего мира. Возникнув еще в IV ве-

ке нашей эры и начиная с VI века, тантра "вошла в моду" по всей Индии и прилегающим государствам.

Владимир будто парил над аудиторией, непринужденно рассказывая о тантризме, обращаясь то к одному, то к другому слушателю, отчего тот кивал головой в знак полного согласия. Ему явно нравилось свое дело, и оратор легко поворачивался, подходил, а то и наклонялся к кому-нибудь, чтобы четче донести смысл сказанного. При этом все слова были простыми и знакомыми, он не рисовался перед публикой, задавливая сложной терминологией.

– Нельзя утверждать, что родиной тантры является только Индия. Археологические данные указывают на то, что народы полуострова Индостан имели связь с древнеегипетской цивилизацией. Достаточно широко египетская эзотерическая символика встречается в различных индийских и буддийских трактатах. В то же время в египетских произведениях искусства можно найти символику, которую мы привыкли связывать с учениями о чакрах, энергетических каналах, кундалини и так далее. Эзотерика, а особенно тантра, – это такой сложный клубок, распутывать который не стоит с насюка, здесь нужны специальные исследования. Владимир встретил скучающий взгляд молодого человека, пришедшего скорее на «практические занятия», чем на теоретические споры об исторических корнях учения.

– Сегодня наблюдается повышенный интерес к тантризму в России, хотя в Европе он уже пошел на спад. Нечто по-

добное случилось и в Индии много лет назад. Совершенно внезапно тантризм стал необычайно популярен, причем не только среди философов и теологов, но и среди людей, ведущих активную религиозную жизнь – аскетов, йогов, а затем достиг самых широких слоев населения. В течение сравнительно короткого времени влиянию тантризма подверглись индийские философия, мистицизм, ритуалы, этика, иконография и даже литература.

– А, может, перейдем к делу? – парень был настроен агрессивно.

– К телу стоит переходить, когда знаешь, что оно собой представляет, – тут же парировал его выпад Владимир. – Не зная инструмента и приступив игре на нем, можно расстроить не только сам инструмент, но и свой слух. Если он имеется, конечно. Парень отвернулся в поисках поддержки у окружающих. Кто-то подобострастно хихикнул, но остальные не проронили ни слова. Оратор уже легко повернулся в другую сторону, оставляя победу за собой, и стал развивать успех в другом направлении.

– Вообще-то, английских миссионеров несколько шокировало открытие тантры. И не столько оттого, что дикие, с их точки зрения, аборигены имели свое философское учение и свой, особый взгляд на мир, сколько метод, который они практиковали в рамках этого учения. Для пуританской Англии это было чересчур. Я говорю о человеческом теле, точнее, о женском, как о более чувственном и красивом теле,

нежели мужском, и позах, которые практикует тантра. Все известные нам государства в древности: Египет, Финикия, Вавилон, Персия, Эллада, Рим – поклонялись богиням красоты и любви. Самые красивые и умные женщины становились жрицами в храмах любви и обладали огромным влиянием в стране. Возможно, современная археология еще порадует нас открытиями в этой области, но сегодня мы говорим о расцвете культа любви в Индии, чему немало подтверждений в сохранившихся храмах. Кстати, один из поздних трактатов, написанный по мотивам статуй на портиках таких храмов, нам хорошо известен. Я имею в виду Камасутру.

– А какая разница между тантрой и Камасутрой? – парень не сдавался.

– Прежде всего, давайте обратимся к переводу этого термина. Корень «кама» означает желание, стремление, вожделение, а сутра – это текст. Камасутра – одна из сутр, один трактат, где систематизировались знания о сексуальных взаимоотношениях мужчины и женщины, отвечающие на вопрос «как». Какие известны позы, какие методы соития, как доставить сексуальному партнеру максимальное удовольствие. И только. Затронуты только технические аспекты процесса, арсенал приемов, если хотите. Однако и этого было достаточно. Камасутра произвела фурор не только в пуританской Англии, но и во всем западном мире, несущем отпечаток инквизиции и церковных канонов, касающихся взаимоотношений мужчины и женщины. Надеюсь, вы слы-

шали о так называемой сексуальной революции второй половины прошлого века в Европе, ну, а мы с вами до некоторой степени можем считаться таковыми участниками в России.

Зал оживился. Когда шум утих, лектор продолжил:

– Ставшая крылатой фраза учительницы о том, секса в России нет, как нельзя лучше сформулировала общественное мнение. Я говорю о ханжестве и лицемерии. С одной стороны, все понимают, что это бред, а с другой стороны, все вынуждены публично поддерживать эту точку зрения. Хотя опыт человечества доказывает, что запреты никогда не приводили к положительному результату. Например, страх наказания и даже лишения жизни не искоренил воровство в самых разнообразных его формах. Вендетта не положила конец убийствам, а только продлевает их зловещую череду. Статьи в Уголовном кодексе нашей страны о хранении порнографии не привели к ее исчезновению. Да, были показательные суды, но это не изменило ситуации. Впрочем, это другая тема. Вернемся к тантре.

Владимир обаятельно улыбнулся, зорко следя за настроением аудитории.

– Во всех известных нам социальных формациях институт семьи охранялся обществом, поскольку является ее гарантом, а вот взаимоотношения мужчины и женщины имеют достаточно широкий диапазон. Правящие круги всегда диктовали свои интересы и в области взаимоотношения полов, которые мы часто называем общим термином секс. С ваше-

го позволения, я тоже буду пользоваться им, дабы говорить на одном языке. А вот рамки диктата государства очень широки. От пуританства в Англии до национальной программы рождаемости ариев в Германии времен второй мировой войны, когда отпускнику с фронта вручалась складная детская кроватка, дабы он сразу осчастливил избранную фразу, и не одну. Впрочем, и наша страна не осталась на задворках. Мои тетушки рассказывали, как после революции по Большой Морской в Севастополе шли колонны комсомольцев, у которых из одежды были только лозунги «Долой стыд», а каждый комсомолец, уплативший ежемесячный взнос, мог требовать сексуального контакта со своей боевой подругой. Ну, это вопросы истории.

Сексуальное влечение, наслаждение, сладострастие, экстаз— вот самые сильные человеческие эмоции, порой возвышающиеся над самой смертью. Несомненно, они интересовали не только простых смертных, но и философов. Не смейтесь, и философы думают об этом, но часто с иной точки зрения. Как ни странно, хорошо делать какое-то дело и хорошо о нем же говорить – это «две большие разницы», как утверждают в Одессе. Известны яркие примеры тренеров-инвалидов, полководцев, не учившихся в университетах, или историках, никогда не принимавших участия в тех или иных известных событиях. Так вот, согласно буддистскому преданию, родоначальниками тантризма были Асанга, выдающийся учитель Йогачары, и Нагарджуна, блестящий представи-

тель школы мадхьямика и одна из самых значительных и таинственных фигур средневекового буддизма. Древнейшим и, несомненно, наиболее важным текстом для нас является Гухьясамаджа-тантра, приписываемая рядом ученых Асанге, который упоминается в тех же источниках как девственник. Лектор резко повернулся в другую сторону и поймал заинтересованный девичий взгляд из-под длинных пушистых ресниц. Ободренный поддержкой, он продолжал:

– Один из основополагающих текстов тантры рассказывает как появилась на свет Шахти – космическое божество и сосредоточение вселенской любви. Однажды силы зла послали на землю неистового демона Махиши, чтобы уничтожить не только людей, но и богов. Враг был так силен, что справиться с ним могли только двое из главной божественной троицы – Шива и Вишну. Они объединили свою энергию в пылающий факел, из которого и родилась восемнадцатипутирукая Шакти. С тех пор она олицетворяет божественную энергию, силу непознаваемого Абсолюта и женскую красоту.

– Опять сказки, – саркастически произнес кто-то.

– Конечно. Мы должны знать хотя бы основы, потому что тантра опирается на тексты, которые выросли из священных книг Индии – Веды и Упанишады. Кстати, Упанишады дословно переводятся с санскрита как «сидеть у ног учителя». Все эти тексты написаны иносказательным языком в форме диалога или вопросов и ответов. Если мы говорим о тантрических текстах, то это разговор Шивы и Шакти. Вот зачем

нам сказки.

Владимир видел некоторое разочарование на лицах присутствующих. Разве что за исключением темноглазой девушки у окна. Казалось, она не меняла позу все это время, напряженно вслушиваясь в его слова.

– Я не буду утомлять вас более историческими корнями тантры и рассматривать ее взаимосвязи с другими школами и направлениями. Скажу только, что в эзотерике, как и в школах боевых искусств, существует большое разнообразие стилей и направлений. Как лектор, я знаю, что метод сравнения бывает очень эффективным, а боевые искусства относятся к «внешним» школам, которые вы часто видите в кино или практикуете сами. Так вот, не секрет, что у истоков каждого стиля стоял большой мастер, сумевший выделить из существовавших на тот момент боевых приемов и знаний о человеке те, которые наилучшим образом подходили именно для него. Учитывая особенности физических данных, характера и, главное, целей, которые преследовал этот мастер. Так появлялись новые направления и школы. Диапазон их достаточно широк, от айкидо до ниндзюцу. Все они проходили через усовершенствование тела и духа бойца до открытия сверх возможностей. Однако затрагивали практически все жизненные аспекты человека. Мы и сейчас можем восхищаться канонами бусидо, кодексом чести самурая. Но это был путь война. Существуют иные. Все определяется конечной целью.

– Власть над миром?

– Не только, – Владимир оживился, почувствовав, что расшевелил аудиторию. – Конечно, всегда отыщется ученик, вынашивающий именно такие планы. Не больше, не меньше. Однако очень давно мудрые люди заметили, что есть нечто посильнее меча или сурикена.

– Гипноз?

– Психотропное оружие?

– Отчасти вы правы, – оратор улыбнулся информированности своей аудитории. – Среди исторических текстов есть описание великой войны, когда старцы силой мысли на расстоянии не только лишали способности двигаться всех бойцов наступающих войск неприятеля, но и отбирали саму жизнь. Когда же из многотысячных армий остались только два противника, они осознали ту пропасть, куда их завела ненависть, и поклялись, уничтожить свои тайные знания.

– Кто-то уже нашел?

– Нет. Человеку предложены иные пути мирового господства.

– Атомное оружие?

– Ну, вы просто кровожадные монстры, друзья мои. Речь идет о самом человеке. Он является вселенной, вернее, его тело и душа.

– Йога?

– В широком смысле слова – да. Если рассматривать вселенную, как бесконечную систему вложенных миров, от

микромира молекулы, до галактик, то человек находится где-то посередине. С одной стороны, он бесконечно ничтожен, с другой – бесконечно велик. Став на эту точку зрения, попробуйте ответить на вопрос, а какое дело туманности Андромеды до меня на планете Земля и какое дело мне до молекулы воды, совершающий оборот в биосфере Земли за один миллион лет.

– Величины несоизмеримы.

– Правильно. Мир настолько огромен и разнообразен, что даже осознать эту бесконечность не так просто. Нужно стать философом.

– Это Вы о чем сейчас, Володя?

– О тантре, – он опять обезоруживающе улыбнулся, быстро повернувшись в ту сторону, откуда прозвучал вопрос. – Мудрые люди давно поняли, что мир бесконечен и не нужно его переделывать. Поймите его и примите, каков он есть. А это нужно начинать с себя. Ибо вы и есть тот самый мир, ну, или один из них. Впрочем, тут нужно остановиться и сделать оговорку. Запад и Восток отличаются не только культурой и обычаями, главное – представлением о мироздании. Европейская философская школа, да и мы с вами, – неисправимые материалисты, для нас реально тело человека, а его духовный мир вторичен. Все, что мы трогаем руками, существует, остальное – вопрос литературы и церкви. Для философских школ Востока и простых смертных на первом месте стоит душа. Нам, европейцам, трудно понять высказыва-

ние тантрика, что тело не существует, а является продуктом воображения сознания человека, тот мир, в котором живет душа, его космос. Нужно научиться понимать законы существования тела, а потом и управлять им.

– И наступит нирвана?

– Нет, сначала вы должны ответить себе на один вопрос: зачем я пришел на эту землю? Только правильно сформулировав свой ответ, вы определите цель. А вот когда вы достигните этой цели, возможно, наступит нирвана.

– Миллион баксов, – хихикнул скептически настроенный парень.

– Если Вы уверены в этой цели, то зря теряете время здесь.

– Вера в Бога, – серьезно откликнулся кто-то.

– Это, конечно, более достойно, однако есть вопросы. А что есть Бог? Он один? Если нет, то кто главный? Это не тема нашего семинара, но желающие смогут найти информацию обо всех религиях и спорных вопросах в них. Впрочем, вопрос веры нелогичен. Каждый выбирает ее по себе, как женщину и дорогу.

– А мужчину?

– Конечно, – он смутился. – Простите, я увлекся. Но с точки зрения разбегающихся галактик между мужчиной и женщиной особой разницы нет.

– А любовь?

– Умница, – Владимир повернулся на голос. – Что может быть прекраснее и значительнее на свете. Вот ради чего и

для чего стоит жить.

– И умереть...

– Ну уж нет, – лектор отрицательно мотнул головой. – Истинная любовь— это путь в вечность.

– Почему?

Владимир медленно обернулся в сторону окна, откуда прозвучал вопрос. Черные глаза чуть округлились и смотрели на него не мигая. Девушка обхватила худенькие колени тонкими руками, стараясь скрыть волнение. Она застыла в этой позе, но напряжение чувствовалось во всем теле.

– Тантра утверждает, что наше тело— это бесконечная вселенная. Следуя ритуалам и технике тантры можно открыть в себе мир божественной любви. Тантра учит, как превратить сексуальную энергию в энергию познания мира, достичь просветления, самадхи. Стать богом. Стать бессмертным.

– А почему сексуальная, а не какая-то иная энергия?

– А что сильнее основного инстинкта? – вопросом на вопрос попытался ответить Владимир. – Это заложено в нас, друзья мои. Зачем истязать себя надуманными запретами, когда сексуальность присуща любому смертному. Человечество веками бьется над созданием универсальной религии и ведет нескончаемые войны, дабы склонить иноверцев на свою сторону. А любовь сильнее.

– Но ведь красота спасет мир?

– Если отыщется время, прочтите всю фразу целиком. До-

стоевский там говорил несколько шире, чем мы привыкли подразумевать, повторяя эти красивые слова.

– Значит, любовь спасет мир?

– Друзья мои, это мне напоминает знаменитый лозунг борьбы за мир во всем мире. Возможно, вы уже не застали эти крылатые слова, но поверьте мне, не так давно они аршинными буквами украшали многие здания наших городов, а страна от этого воевать не перестала. Если мир существует вне нашего сознания, то мы будем насиловать его бесконечно, пытаясь перестроить под себя, наивно полагая, что мы на это способны. Но мир был до нас и останется таким же после нас. Вот вам пример. Вода— одна из составляющих нашего мира. Скажем, не самая маленькая его часть. И человек использует ее в самых различных аспектах, согласно своим целям. Можно напоить путника, полить дерево, отравить колодец, разлить по бутылкам и продавать, крестить младенцев, освятить в церкви и, не дай Бог, решиться повернуть реки вспять... Но ведь вода, в нашем случае частичка мира, не изменилась, несмотря на все ухищрения человечества.

– А как же ядерная катастрофа или глобальное загрязнение?

– Открою вам страшную тайну, – Володя молитвенно сложил руки на груди. – Наша маленькая планета пережила и не такие катаклизмы. Уже неоспоримо доказано, что после столкновения с огромным астероидом температура на планете поднялась до такой степени, что за год испарились оке-

аны. Все! Потом был ледниковый период. И не один. Однако вода осталась, а мы с вами еще можем отыскать родник и напиться чистой воды.

– Значит, можно на все наплевать?

– Это зависит от той цели, которую вы для себя определите.

– Миллион баксов, – все засмеялись, обернувшись к парню.

– Судя по настойчивости, Вы его добьетесь. А вот будет ли это переделом желаний, вопрос. Человек так устроен, что ему всегда мало. Вы к любой сумме можно прибавить единицу и ощутить себя несчастным. У кого-то всегда что-то будет больше или лучше.

– Это Вы на что намекаете?

– И на это тоже, – усмехнулся лектор. – Имея неполные данные, вы будете пребывать в блаженном состоянии, наивно полагая, что являетесь обладателем самого большого и лучшего прибора в мире... До того момента, пока не узнаете правду.

– Нет в жизни счастья.

– Ошибаетесь. Тантра— это система знаний, помогающая обрести счастье многим. Впрочем, стоит сразу оговориться, что не всем.

– Почему?

– Я даже не буду говорить о том, что трудно найти хорошего учителя, поскольку в нашей стране никогда не было

школ тантры, как и не было хороших переводов с санскрита. А ведь только в тантристских текстах изложены истинные знания. Впрочем, сейчас можно поехать и в Индию, и на Тибет, где есть учителя. Вопрос в другом. Для представителя западного мира это чуждая культура, к которой он всегда будет относиться предвзято. Только те, кто способен перешагнуть этот барьер, смогут впитать в себя законы тантры. На мой взгляд, это одна из главных проблем. Другая кроется в вашей сексуальности. Определены три группы людей, безотносительно к их национальности, вероисповеданию или месту жительства. Это – «собственники», которые не в состоянии владеть своими эмоциями во время полового акта и способны только изнасиловать партнера, «нищие», которые всегда будут заискивать, унижаться, стесняться, но так и не смогут доставить радость ни себе, ни партнеру и, наконец, «святые», они способны долго и терпеливо изучать партнера, пока не полюбят его.

– Мы говорим о любви или сексе?

– Вот, – лектор повернулся на голос и с уважением поклонился. – Мы подошли к тому барьеру, который определяется культурой. Попробую объяснить на примере. Воспитание и общественное мнение определяют неписанные границы. В офисе мы надеваем костюм, на пляже – плавки, а в сауне – шлепанцы. Вот японцы, в отличие от нас, в банях моются вместе. Впрочем, теперь и на российских курортах можно встретить красавиц с открытой грудью или лежище ну-

дистов. Пойдем дальше и сознаемся себе, что сексуальные контакты были не всегда в рамках одного брака. Независимо от лозунга, есть ли секс в стране или нет, запрещена проституция Конституцией или нет. Думаю, что здесь не должно быть насилия общества над личностью и наоборот. Каждый должен сам решить это для себя. Даже если рядом с каждой парой поставить солдата с автоматом, они найдут выход из положения.

– Втроем, – усмехнулся кто-то, и аудитория живо отреагировала на эту шутку.

– Не исключено, – оратор подождал, пока шум затих. – Мы не будем касаться этических норм поведения, поскольку они во многом определяются воспитанием и характером каждого человека. Если хотите, это вопрос веры, а она, повторюсь, алогична.

– Папа не одобрит, – донеслось из-за спины лектора.

– Нет, конечно, – Владимир уже был лицом к лицу с улыбающейся пышной блондинкой. – А вы не задавались вопросом, почему церковь так отрицательно относится ко всем публичным проявлениям сексуальности? И всех нарушивших эти правила нарекает сектантами и еретиками. Кстати, последних ждал костер. Тут не все так просто. Известно ли вам, друзья мои, что означает слово еретик?

Зал притих, переглядываясь.

– В переводе с латыни еретик означает «сделавший выбор». Это слово приобрело негативный характер после Ни-

кейского собора христианской церкви, собранного императором Византии Константином в 325 году. Тогда из нескольких десятков существовавших Евангелий были выбраны четыре, сформировавшие канонический текст Нового Завета. Остальные тексты были приговорены к сожжению. С той поры еретиками стали называть тех, «кто выбирал», считал более правдивыми не канонические, а апокрифические, запрещенные Евангелия. Таким образом, еретик — это тот, кто выбрал не то, что позволено Священным начальством.

– Вот кто Камасутру «зарубил», – притихший было зал опять разразился хохотом.

– Я рад, что у нас с вами получается оживленный диалог, – Володя жестом пытался успокоить аудиторию. – Но справедливости ради следует заметить, что сей факт не мог состояться хотя бы потому, что Никейский собор рассматривал только христианские тексты. А вот утрата Евангелие от Магдалины сыграла важную роль не только в развитии христианства, но и западного мира в целом. Я говорю об отношении к женщине и ее положению в обществе. Конечно, среди простых верующих и святых отцов церкви были и есть искренние и светлые личности. Они шли своим путем к совершенству, но этот путь не универсален. Неслучайно существуют иные конфессии, иные представления о мироздании. Яркий пример тому современная наука. Она построена на иных принципах познания и описания окружающего нас мира, но, по сути, стремится делать то же самое. Опираясь на

математические модели и единственный критерий истины – опыт, наука создает свое видение вселенной. Слабое место современной науки – сам человек. Он настолько сложен и безграничен, что в начале пути наука несколько отстранилась от его духовности и начала с более простых вещей, которые можно потрогать руками. Церковь же занимается исключительно духовностью человека, и потому получила безграничную власть над ним.

– А ведь коммунисты разрушили церковь.

– Не совсем так, – оратор дождался максимального внимания зала. – Они подменили традиционную церковь своей. Разрушили и поломали коммунисты очень много, но это тема не нашего семинара. На досуге можете подумать над лозунгом Ленина «каждая домохозяйка сможет управлять государством».

– Вы о Жириновском?

– Друзья мои, мы слишком отвлекаемся, – Владимир огляделся. – Может, вы устали и сделаем перерыв?

– Нет, – раздалось с разных мест. – Кому приспичило, пусть выйдет.

– Вот за что я люблю молодежную аудиторию, так это за непосредственность, – улыбнулся лектор. – Так и поступим. А я, с вашего позволения, закончу свою мысль о церкви, – он помолчал, ожидая тишины. – Задумывались ли вы, друзья мои, почему западный мир в лице христианства так рьяно загоняет секс и все, что с ним связано, в самый дальний угол

бытия. А это основной инстинкт человека. Владимир обвел вопросительным взглядом зал.

– Я думаю, что ответ один – власть. Коль скоро путем аскетического воздержания могут пройти единицы, то все остальные могут быть подвержены гонениям. У любого попа в руке есть ниточки, за которые он может подергать любого прихожанина, в том числе и занимающего высокий пост в правительстве. Церковь априори безгрешна, хотя фактов, опровергающих это, немало, но, тем не менее, прищурившись, самый заурядный поп вправе посмотреть на любого прихожанина и уличить его в грехе. Почти наверняка он попадет в цель. Правда, иногда приходится «приподнимать крышку, дабы выпустить пар», но лишь для того, чтобы потом произнести проклятье.

– Содом и Гоморра?

– Вы мне все время подсказываете, – улыбнулся Владимир, и аудитория подхватила его шутку. – Зря смеетесь. Археологи нашли это место на берегу Мертвого моря. Небольшое плато с древними постройками, совпадающими по описанию и датам с соответствующими христианскими текстами, действительно засыпано пеплом и серой. Другой вопрос, что это место несоразмерно двум городам, а вот известные большие города того периода, действительно, были разрушены тем извержением вулкана, но назывались они иначе и к грехопадению никакого отношения не имели. Впрочем, сей факт широкой общественности неизвестен.

Владимир утвердительно кивнул в ответ на безмолвную просьбу двух ребят, показавших сигареты.

– Христианство указывало путь к спасению грешных душ в соблюдение христовых заповедей, которые немногим отличаются от заповедей, переданных Моисею на скрижалях, или постулатов «Книги мертвых» Египта. Но единственный ли это путь – воздержание, аскетизм и смерть во имя жизни? Сравните канонические изображения Христа и Будды. Страдание и радость. Изнеможение и пышные формы тела. Изодранная одежда, едва прикрывающая чресла, и необъятный балдахин с заплечным мешком, набитым продуктами или плюшкой в руке, ну, на худой конец, послеобеденная дрема. Понятно возмущение святых отцов, которые утверждают, что так жить нельзя. Хотя беглый взгляд на их фигуры говорит об обратном. Именно поэтому Мария, а вместе с ней и все женщины объявляются исчадием ада и «сосудом с нечистотами». Еще более странным звучит утверждение о первородном грехе. Младенцы-то тут причем? Борьба за власть! И не столько в мирском понимании, сколько в духовном.

Тантра предлагает свой путь. Он не связан со страданиями, скорее, наоборот. Хотя не менее сложен и призрачен вначале. Я напому рассуждения о нашем теле, как о целом мире и некоем космическом божестве Шакти, воплотившем в себе любовь, все неизведанное, таинственное, загадочное, трансцендентное. Это отголоски «религии Матери», которая

царила в дохристианские времена в Африке и греко-римской Европе. В некоем смысле, Шакти – наследница Маат, Иштар, Астраты, Венеры и Афродиты – стала главенствовать в тантре, где чувственность и сексуальность являются путем познания и достижения просветления. Наивысшего прозрения, понятия Бога, слияния с Богом. Наряду с другими видами йоги, практикующими сложнейшие асаны, голодовки и медитации на пути к достижению самадхи, или нирваны, тантра практикует свои ритуалы и позиций. Они связаны с самыми сильными человеческими эмоциями – сексуальными. Зал затих, внимательно наблюдая за ходом мысли оратора.

– Тантра – это эзотерическое учение о сексуальном постижении мира. Путь познания космоса путем познания собственного тела с помощью сексуальности. Развитие, совершенствование, а затем и полное освобождение от чувства собственного эго и растворение себя в Боге. Причем партнер в тантре и является моделью божества, а все техники и ритуалы тантры направлены на то, чтобы осознать божественную природу человека. Слова Христа «возлюби ближнего своего, как себя самого» получили в тантре более сильную трактовку – «возлюби себя, как истинного Бога». Не поклонение эфемерному Господу, а открытие Бога в своем партнере. Здесь и сейчас. Вот кардинальное отличие тантры от христианства.

Тантра – это особая система взглядов на мир, на человека, на любовь, на сексуальность мужчины и женщины, на

преодоление дуальности мира, постижение единства в олицетворенном божестве. И, конечно же, это обожествление женщины, всего женского начала, как более одухотворенного, сексуального, любящего и цельного в мире. Изначально в тантре каждая женщина – это воплощение Шакти, наделенное в большей степени, нежели мужчина, всеми духовными качествами и особенно сексуальными. Женщина в тантре — это не только предмет вождления и наслаждения, но воплощение Абсолютной женщины, Космической матери. Это – сама Богиня.

В буддийских и индуистских ветвях тантры мало отличий, они созвучны так же, как и бесконечно далеки от христианства или ислама. Во многом они перекликаются с другими направлениями йоги, направленными на совершенствование человека. Сюда относятся и чакры, и понятие кудалини – универсальной божественной силы, дремлющей у обычного человека, и энергетические каналы, по которым будет двигаться разбуженная кундалини, и достижение наивысшего духовного наслаждения, са-мадхи. Не берусь утверждать, достигают ли религиозного экстаза истинные христиане, неистово молящиеся перед рукописными иконами в богатых храмах, но в то, что многие йоги постигают нирвану, оставаясь в сложных асанах, или тантрики, научившиеся медитировать во время затагнутого оргазма, открывают вместе со своим партнером самадхи, я верю.

Выберете ли вы один из этих путей, решать вам. Для мно-

гих практиковать сексуальные упражнения с незнакомым партнером – такой же барьер, как обет безбрачия или пожизненное заточение в монастырь. Так ведь никто вас не заставляет. Зачем ломать себя или традиции, приходите на занятия с любимым человеком. Сразу оговорюсь, что тантра подразумевает два пути выбора партнеров: согласно обоюдной симпатии или по воле случая, когда партнер с закрытыми глазами вытаскивает небольшой предмет одежды из шкатулки, куда поместили свои лоскутки все оставшиеся свободные участники занятий. Правда, на высших уровнях тренировок практикуются групповые упражнения, но это специальные техники, и до них еще нужно дорасти. Владимир сложил руки на груди, выражая этим жестом свою искренность и окончание своей речи.

– Через десять минут мы приступим к дыхательным упражнениям, растяжке, работе в парах на пробуждение чувственности, массажу, угадыванию прикосновений и ритуалу угощения сладостями. Отвечу на все вопросы после занятий. Перерыв.

Глава III. Антверпен

Большой овальный стол из полированного красного дерева занимал всю середину конференц-зала компании по производству женского белья «Фламандская лилия». Дюжина солидных мужчин и женщин сидела за ним в удобных кожаных креслах, разложив перед собой разноцветные буклеты, стопки отпечатанных документов и миниатюрные переносные компьютеры. Особняком держались две женщины, судя по одежде, иностранки. Солидная, грузная дама лет пятидесяти с низким грудным голосом и властными манерами была явным лидером, в ее тени находилась миловидная молодая женщина, молчаливо и точно выполнявшая работу помощницы. Последняя явно волновалась, отчего не поднимала своих умных серых глаз, пряча их за деловыми очками в красивой оправе. Когда она склонялась над бумагами или клавиатурой ноутбука, непослушная прядь сползала на ровный красивый лоб, отчего проявлялась маленькая вертикальная морщинка над прямой переносицей, но хозяйка привычным жестом поправляла прическу, и морщинка исчезала.

Присутствующие мужчины невольно наблюдали за этой игрой, находя помощницу просто очаровательной. Они впервые работали с русскими, рассматривая их в прямом и переносном смысле. Сложившиеся стереотипы и недоверчи-

вость в делах бизнеса заставляли мужчин прислушиваться и присматриваться к этим представительницам бизнеса пугающей, огромной, дикой страны, но обладающей просто бездонным, по их меркам, рынком сбыта продукции кружевной империи.

– Ну, что же, думаю, что мы обсудили все детали, – председатель правления компании оглядел присутствующих в зале. – Есть ли еще вопросы? Тогда позволю себе поздравить нашего нового компаньона в лице Натали.

Все зааплодировали, выражая одобрение.

– До завтрашнего заседания наши юристы подготовят необходимые документы, а у нас еще будет время подумать, – он слегка поклонился всем сидевшим за столом. – Благодарю вас, коллеги и наши очаровательные московские гости. Будем надеяться на долгое и успешное сотрудничество. Россия таит немало загадок, верю, что приятных. На сегодня заседание объявляю закрытым. Завтра у нас самая приятная часть переговоров: мы поднимем бокалы с шампанским после того, как поставим свои подписи на договоре. Встречаемся в десять.

Присутствующие подхватили шутливое настроение президента и, живо обмениваясь мнениями, вслед за ним стали покидать свои места. Александра взглянула на свою патронессу. Наталья Михайловна держалась абсолютно спокойно и улыбалась в ответ радушным жестам окружающих. Лишь по тому, как она кинулась сама собирать бумаги, разложен-

ные перед ней на столе, Саша поняла, что та взволнована. Да, проект был нешуточным, и вопрос был не только в сумме. По договору в качестве оплаты сделки четыре магазина «Орхидеи», принадлежавшие Наталье Михайловне, переходили в собственность дочерней компании «Фламандской лилии», которую предполагалось в течение лета открыть в Москве. Все быстро прощались, отправляясь по делам.

– Дорогая Натали, примите и мои поздравления, – кареглазый молодой человек мягко пожал руку русскому гренадеру в строгом женском костюме.

– Спасибо, Ги.

– Мне бы очень хотелось реабилитироваться за свой вчерашний промах, – его английский звучал с небольшим французским акцентом. – Ничего не могу с собой поделать, когда вижу красивых женщин.

Дамы улыбнулись, вспоминая вчерашний ужин в ресторане. После многочасового заседания все чувствовали себя усталыми и готовы были откликнуться на любую шутку.

– На меня можете не рассчитывать, – Наталья Михайловна кокетливо стрельнула глазками. – Я уже обещала пообедать с Гертом.

– В таком случае, – он взглянул на помощницу русской бизнес-леди. – Может быть, Вы, Алекс, простите грешного и дадите мне последний шанс. Ради всех святых, будьте снисходительны и не отказывайте, мы ведь завтра станем компаньонами.

– Право, не знаю, – молодая женщина явно спрашивала разрешения у патронессы. – Мне еще нужно поработать с документами.

– Расслабься, девочка, – шефиня была настроена благодушно. – Нужно заботиться о компаньонах, – она оценивающе окинула взглядом кареглазого. – Мужчины так нуждаются в сострадании и заботе.

Вообще-то, Натали наметила этого красавчика в свои сопровождающие. Но, видно, у европейцев другие правила, и мальчик предназначен не ей. Жаль, она смогла бы проверить, каковы они на прочность, эти холеные бельгийцы. Когда после переговоров в России компаньоны устраивали «девичники» в сауне с мальчиками по вызову, она всегда выбирала себе какого-нибудь «резвого скакуна», чтобы снять напряжение. Этот шустрый парень ее вполне бы устроил, но ее жребий – Герт Ну что же, тогда поговорим о жизни за бокалом вина.

– Доверяю Вам мою умницу и скромницу, Ги, – полные, ярко накрашенные губы говорили одно, а в потускневших, некогда больших и нежных глазах читалось другое. – Надеюсь, в Бельгии джентльмены не хуже английских.

– Намного хуже, Натали, – в глазах кареглазого запрыгали чертики. – Если мы встречаем красивых женщин, то уже не можем думать ни о бизнесе, ни о политике. Нас можно брать голыми руками. И скажу Вам по секрету, некоторые этим пользуются. Дамы рассмеялись, а русский «гренадер»

игриво погрозил шалуну. Впрочем, со стороны это выглядело не столь забавно – здоровенный кулак, размером почти с голову кареглазого, многозначительно покачался перед его носом. Но большое видится на расстоянии, поэтому у шутлившей троицы нестроение не испортилось.

– С удовольствием проведу экскурсию по городу и покажу все достопримечательности, благо, Гент может соперничать и с Брюгге, и с Антверпеном, но начнем с набережной и моего любимого ресторанчика, – Ги умоляюще посмотрел на молодую женщину. – Алекс, соглашайтесь, и увидите самого счастливого человека на свете, который будет сопровождать Вас весь вечер.

– Ваше счастье так недолговечно?

– О, я неверно выразился, – восторженно воскликнул мужчина, почувствовав женскую игру. – Если позволите, я прочту что-нибудь из Рембо или Бодлера. Я всегда теряюсь...

– Когда встречаете любую женщину, – вместо него закончила фразу Саша.

– Нет, – чуть понизив интонацию и без того вкрадчивого голоса, почти шепотом произнес Ги. – Такую мне еще не доводилось встретить.

– Что-то мне подсказывает, – патронесса с иронией посмотрела на молодых людей, – Что Герт меня уже дождался. – Отойдя на пару шагов, она обернулась. – Александра, не выключай сотовый, мне может понадобится твоя консультация.

– Хорошо, Наталья Михайловна.

– Не волнуйтесь, Натали, – кареглазый обворожительно улынулся. – Ваше сокровище в десять уже будет в кровати. Натали хотела уточнить – в какой, но удержалась. Это в своем офисе или магазинах она не стеснялась в выражениях, но тут приходилось следить за своим несдержанным язычком.

– Ги, а Вы всегда так легко раздаете обещания?

– Нет, только те, которые выполнить мне будет очень трудно.

– Так Вы обманщик?

– Лишь сердце обмануть смогу свое. Твое, увы, мне недоступно.

– И вдобавок, поэт...

– Это не я.

– Рэмбо?

– С тобою жизнь теряется моя, что мне теперь грешить на память.

– А мы не заблудимся с такой забывчивостью?

– Я заплутал в том сне, что наяву ты взглядом двери отворяешь, где я тебя в беспамятстве зову, и буду ждать, и ты об этом знаешь.

– Замечательно! Обещайте мне рассказать о литературе Бельгии. Признаюсь, я о ней, к стыду своему, ничего не знаю. Заметив, что Ги собирается ответить ей в том же духе, Александра едва коснулась краешками пальцев его рта. Он замер, чуть приоткрыв свои горячие губы. Это было похоже на по-

целуй. Первый, робкий, мимолетный. Саша отстранила руку, хотя ей этого и не хотелось делать. Смущаясь, она оглянулась. Оказывается, молодые люди стояли одни в просторном конференц-зале. Невидимые кондиционеры гнали прохладный воздух, и это было очень кстати. Ей стало жарко, ведь на дворе стояла ранняя весна.

– Первое упоминание о нашем городе встречается в седьмом веке. Гент начал формироваться вокруг двух аббатств, построенных у слияния рек Шельды и Лее, – Ги с обожанием посмотрел на свою спутницу. – Алекс, Вы не должны отвлекаться на других мужчин, а смотреть только на своего гида.

– Как забавно, – улыбнулась Саша. – Вчера Вы были просто Ги, а сегодня стали Гидом. Простите, а как звучит полное имя?

– Жил маленький гном, по кличке Гийом, он в норке хранил бонбоньерку...

– Слушайте, я так не могу. Вы бываете когда-нибудь серьезным?

– Прославился Ги серьезным трудом, из прутиков сплел этажерку.

При этом Ги скорчил смешную рожицу. Саша не выдержала и засмеялась. Прохожие оборачивались на нее, но их удивленные лица только подстегивали женщину в деловом костюме. Ги продолжал играть свою роль, он сделал вид, что обиделся, сдвинув свои красивые, взлет, брови, и скор-

чил плаксивую физиономию. Свидетели этой сценки, не зная подоплеки, сочувствовали мужчине, укоризненно поглядывая на бессердечную молодую женщину. Но и это не спасало ситуации, а лишь подливало масла в огонь. Прижав к груди свою сумочку, Саша смеялась, делая умоляющие жесты Ги, чтобы тот не продолжал. Он же только потупился, рассматривая что-то под ногами, готовый вот-вот расплакаться.

– Конфеты и пряники он не жевал, а складывал их в бонбоньерку.

При этом гид сложил руки за спиной и, не поднимая головы, чертил носком одной туфли перед собой какие-то линии, продолжая бубнить себе под нос.

– Вот только с надежностью Ги проморгал, запас тот сломал этажерку.

Он был похож на маленького проказника, который не хочет сознаваться в своих проделках, искренне надеясь на справедливость. Саша не могла сдержать от хохота слез. Так продолжалось еще несколько минут. Когда же ей удалось сделать над собой усилие и прекратить смех, Ги вопросительно посмотрел на русскую.

– У меня такое смешное имя?

Саша ответила не сразу. Отрицательно покачав головой, чтобы не прыснуть от смеха, она очаровательно улыбнулась.

– Мне понравился гном. Очень образно. Они помолчали.

– Своим названием наша страна обязана племенам бельгов, – как ни в чем не бывало зататорил Ги, хитро погля-

дывая на свою спутницу. – Они жили здесь во времена римской империи. Все это время нас завоевывали то римляне, то норманны, то испанцы, то тевтонцы, то франки, то соседи из Нидерландов. Сильное влияние на развитие страны и промышленности оказали англичане. Когда-то Гент был вторым по величине городом в Европе.

Саша взяла Ги под руку, и они медленно пошли по узким извилистым улочкам к набережной. Остановливались то у собора святого Бавона, раздавшего когда-то свое имущество и земли крестьянам, то у церкви святого Николая, строительство которой растянулось почти на три века, то на мосту Святого Михаила, считавшегося самым романтическим местом города.

– На той стороне реки уже четыре века стоит бронзовая статуя заступника наших влюбленных, – Ги нежно посмотрел на свою спутницу. – Легенда гласит, что этот святой не брал деньги за свою помощь, а только позволял прикоснуться к своему кошельку, что висит у него на поясе. С тех пор из всей бронзовой фигуры блестит только кошелек, отполированный прикосновением тысяч рук. Все хотят быть счастливыми в любви.

– Как интересно, – вскинулась Саша. – Я тоже хочу.

– Пойдемте, это рядом.

Когда они медленно шли по мосту, глядя, как солнце поблескивает на речной волне, Ги показал вдаль.

– А там знаменитая башня Беффруа. Первоначально она

была построена как сторожевая вышка с набатным колоколом. Девяносто метров высотой, а на самой верхушке — дракон, как символ стойкости. Когда город разросся, она была и городским советом, и библиотекой, и торговой палатой, в ней даже хранили городскую казну и печать. Потом пристроили большое здание...

— Для монетного двора?

— Нет, там теперь ратуша. А вот башня осталась почти без изменений. Представляете, это английское изобретение средних веков так прижилось в Бельгии, что у нас башен Беффруа тридцать две. Больше, чем в самой Англии.

— А золотистый круг, это циферблат?

— Да, в девятнадцатом веке купцы скинулись на швейцарские часы, с тех пор на каждую сторону света смотрит свой циферблат.

— Я видела утром эту башню из окна гостиницы.

— Так у Вас окно на площадь? Она кивнула.

— Тогда Вы должны видеть всю линейку.

— Вы имеете в виду собор?

— Ратушу и оба собора. Святого Бавона и святого Николая. Они сориентированы с юга на север, так что шпили составляют прямую линию.

— И какой в этом смысл?

— Навигационные знаки. Это сейчас судоходство на наших реках и каналах играет второстепенную роль, а вплоть до прошлого века это были торговые магистрали. Гент занимал

очень выгодное положение – слияние двух крупных судоходных рек и каналов. Вот, кстати, посмотрите на эту улицу.

– Красивые дома, – восхищенно протянула Александра. – Как картинки, и нет похожих.

– Это знаменитая улица Грае лей. Название можно перевести, как «улица трав и овощей». Когда-то здесь шумела торговля, а дома принадлежали зажиточным купцам. Каждый хотел быть непохожим на остальных.

– Как вам удалось сохранить эту красоту? Война не коснулась?

– Еще как, – он помолчал. – Наши земли всегда привлекали к себе внимание других стран, да и воевать они предпочитали здесь. Ту войну, что вы называете Первой мировой, в Бельгии называют Великой войной. Почти все города были разрушены. Кстати, недалеко отсюда есть маленький городок, где тогдашний ефрейтор лежал в госпитале, а теперь туда любят наведываться молодые наци из Германии. Впрочем, потом фюрер забыл это и приказывал бомбить наши города со всей немецкой тщательностью. Вся страна лежала в руинах.

– России тоже досталось, Ги.

– О, я это знаю, – они медленно шагали в ногу, каждый думая о своем. – Давайте не будем о грустном. Вот напротив улица Конрляй, улица «зерна». На набережной были причалы и склады, а здесь шла торговля.

– Как интересно, – откликнулась спутница.

– Вы еще не видели здание Хлебных складов. Оно построено так, что на каждый метр высоты его фронтальная стена отклоняется на сантиметр вперед.

– Зачем? – поинтересовалась Саша. – Как Пизанская башня?

– Нет, чтобы облегчить нагрузку для лебедок, закрепленных на крыше.

– И они до сих пор работают?

– Ну что Вы. Теперь построены зерновые элеваторы, а в том здании отличный ресторан. И мы там пообедаем.

– Вы серьезно?

– Алекс, Вы все время переспрашиваете меня, – он остановился и заглянул ей в глаза. – Я производжу впечатление несерьезного человека?

– Простите, я не хотела Вас обидеть.

– Тогда вперед.

С каким-то мальчишеским азартом Ги увлек Сашу за собой, пустившись чуть ли не вприпрыжку. Было что-то наивно-трогательное в этой непосредственности. Хотелось забыть все дела и сомнения. Отдаться без остатка этому старому красивому городу, сонной реке, лениво плескавшейся у невысоких берегов набережной, ласковому майскому солнцу и желанию нравиться, а возможно, и более того.

– Какой замечательный вид отсюда, – с восторгом произнесла Саша, подавшись вперед. – Весь город как на ладони.

Красиво. А это набережная Шельды?

Ги утвердительно кивнул, с восторгом и даже гордостью разглядывая свою собеседницу. В ней так гармонично сочетались деловая женщина и наивный, восторженный ребенок, готовый удивляться и радоваться всему на свете. Эта неподдельная искренность и открытость так редко встречаются в сытой Европе, где за достаток нужно постоянно бороться с ближним. Хотя и в цивилизованных формах.

Они сидели у большого окна на третьем этаже ресторана, который был устроен внутри старинного здания. Стены и фасад сохранились нетронутыми, а вот внутри все недавно перестроили. Бесшумный прозрачный лифт поднимал гостей с небольшими остановками у маленьких площадок, от которых в разные стороны расходились узкие дорожки. Этажей в привычном понимании не было, вдоль стен ютились небольшие площадки, оставляя середину здания незанятой. Чуть правее и ниже за стеклянной перегородкой виднелась кухня, где вокруг плит и столов суетилась поварская братия. Площадки у стен и соединяющие их лестницы были сделаны из металла и стекла, что создавало иллюзию необычного простора внутри. Собственно ресторан не являлся чем-то целым, он, скорее, состоял из нескольких десятков отдельных площадок со столиками на двоих или четверых посетителей. Официанты лавировали между этими площадками по узеньким лестницам, как акробаты. Ресторан чем-то напоминал колесо обозрения, только неподвижное. Молодые лю-

ди разместились на самой высокой площадке под крышей, чем-то напоминавшей ласточкино гнездо.

– Здесь река поворачивает и замедляет течение. Дальше большой подъемный мост.

– Разводной, как у нас в Питере?! – воскликнула Александра.

– Нет, именно подъемный, – пояснил Ги. – На берегу стоят башни, и он поднимается вверх сразу с двух сторон. Целиком.

– Правда? – она смутилась своей оплошности. – Ой, простите, я верю. Просто это так необычно.

– Хорошо, мы доедем до него, и очень даже может быть, что увидим это собственными глазами.

– Нет, нет, это лишнее, – начала, было оправдываться Саша.

– Да, да, да, – передразнил он ее. – И пока не увидим, не сдвинемся с места.

– Какой Вы настойчивый мужчина, – постаралась свести к шутке свою оплошность молодая женщина.

– Стойкость мужчины определяется его преданностью женщине.

– Красиво. Кто это сказал?

– Тот, кто влюблен, слагает чаще песни, но не затем, чтоб помнили о нем.

– Вы не перестаете меня удивлять, – искренне призналась Саша.

– Лишь женщины да звездный небосвод достойны удивления в этой жизни.

Она замолчала, подперев ладонью лицо с правильными чертами, которое в обыденной жизни нельзя было назвать красивым, скорее, привлекательным или симпатичным, но сейчас... Ее серые глаза излучали неподдельный искренний интерес к сидящему напротив мужчине. Она не скрывала своего удивления и восторга. Когда еще встретится такой... Саша не могла сформулировать этого определения и решила заглянуть в душу кареглазого поглубже. Без жеманства и хитрости, как это делают маленькие дети, столкнувшись с чем-то необычным.

Ги выдержал этот долгий изучающий взгляд и как ни в чем не бывало предложил ей выбрать что-нибудь из напитков. Горячие закуски и рыбные блюда он предлагал сам, подробно объясняя, из чего и как они приготовлены. Пока они ждали заказ, потягивая холодный martini, он продолжил обзорную экскурсию.

– Посмотрите правее. Там, за домом с синим флагом. Видите две серые башни?

– Да. Похоже на крепостную стену.

– Это Гравенштайн. Замок графов Фландрии, был построен Филиппом Альсасским в десятом веке. Сейчас замок реставрируется внутри, а вот ров с водой и мост уже действуют в полном объеме. Как в Средние века. Филипп участвовал в одном из крестовых походов, и в память об этом про-

ход справа от главных ворот выполнен в форме креста, а две башни на центральном здании олицетворяют честь и доблесть. Позже вокруг крепости начали появляться торговые поселения, и Гент стал столицей Фландрии.

– Как интересно.

– Правда, со временем от доблести ничего не осталось. Когда графы перебрались в современные замки в Брюсселе, территория Гравенштайн была монетным двором, потом тюрьмой. Еще позднее там располагалась ткацкая фабрика и внутри крепостного двора стояли хибарки рабочих.

– Никогда не была в настоящем замке, – призналась Саша.

– О, тогда Вам непременно нужно посетить Стен, в Антверпене.

– Прямо сейчас, – пошутила она, но по тому, как вспыхнули глаза у собеседника, женщина поняла, что погорячилась.

– Если мы уедем через полчаса, то, учитывая данное Натали слово, у нас будет часа три, чтобы погулять в Антверпене. Но начнем мы с замка.

– Вы серьезно, Ги?

– Я даже откажусь от вина, чтобы Вы не волновались в дороге, – он задумался. – Впрочем, один бокал я могу себе позволить. Предлагаю тост. С этого момента мы переходим «на ты».

– Согласна.

Они чокнулись изящными бокалами на длинных ножках, и тут же с ратуши им ответил перезвон колоколов. Это было

так неожиданно и символично, что оба рассмеялись.

В течение обеда они ни разу не вспоминали об Антверпене, говоря о чем угодно, только не о поездке туда. Саша предполагала, что этот порыв забудется и они мило проведут вечер в Генте, погуляв по набережной, где уже начали собираться группки студентов, у которых еще не было денег на дорогие рестораны, но вот гитары и губные гармошки всегда были под рукой. Взяв целую бутылку пива и пачку сигарет на весь вечер, они пели песни, целовались с подругами и считали, что этот мир принадлежит им.

Ги шутил, вспоминал какие-то истории из своей и чужой жизни и смотрел в удивительно живые серые глаза собеседницы, в обществе которой ему было удивительно легко и радостно. Давно он не испытывал такого подъема. Он даже сдерживал себя, чтобы не испугать очаровательную русскую своей болтовней. Что там Антверпен, он готов был уехать с ней куда угодно.

– Ты обещал мне рассказать о литературе Бельгии, – Саша обернулась к Ги, который уверенно вел машину по широкому автобану.

– О, у нас нет Достоевского, – он не отвлекался от дороги. – Страна небольшая, да и вечная борьба языков не позволила родиться единой национальной литературе.

Он достал сигареты. Угостил спутницу и закурил сам.

– На севере у нас говорят в основном по-фламандски, этот язык похож на немецкий. На юге предпочитают француз-

ский. Небольшие группы в Льеже употребляют немецкий, а в Намюре – валлонский, но это уже не в счет. Собственно, так же развивалась и литература, она всегда отображает историю стран. В период децентрализации на валлонском писали два поэта – Николя Симонон и Анри Фьериц, но теперь об этом позабыли. Постоянную борьбу за равноправие языков в стране вели не только граждане, но и сами писатели. Они организовывали литературные общества и выпускали сборники, но об этом сейчас помнят только специалисты. На фламандском писал замечательный романист Эльскотт, его произведения были известны даже за пределами Бельгии. Чуть позже был Вис Моэнс, он писал в мистических тонах. После образования Бельгийского королевства голландский язык стал доминирующим, однако патриотические настроения интеллигенции не подарили стране никого из писавших на голландском. После революции в 1830 году Бельгия освободилась от голландских наследников, и мы стали конституционной монархией. Хотя сейчас фактическая власть у премьер-министра, но мы уважаем короля. Альберт Второй возглавляет государство почти пятнадцать лет.

– Интересно, как он выглядит?

– А ты никогда не видела нашего Альберта?

– К своему стыду, нет.

– Тогда тебе нужно будет приехать в июле. Двадцатого у нас национальный праздник День присяги короля. В Брюсселе будет парад, а потом большой бал во дворце. Если улыб-

нуться Герту, он достанет приглашительные билеты.

– На королевский бал?

– Конечно, – он мельком взглянул на удивленную собеседницу. – Герт достаточно влиятельный человек в нашей стране, – он усмехнулся. – Алекс, это всего лишь бал. Впрочем, если ты обещаешь быть Золушкой, то я все устрою. Идет?

– Ты серьезно? – она осеклась. – Прости, это так неожиданно.

– Что?

– Я и королевский бал.

– Почему? – он опять взглянул на Сашу. – У нас даже для школьников устраивают королевские балы. Ну, в другое время, конечно, и поскромнее, – Ги улыбнулся. – Подданные должны знать и любить своего монарха.

– Я выросла в стране, где руководители были на недостижимой высоте.

– Это мавзолей у Кремлевской стены?

– Что-то в этом роде, – она вскинулась. – А ты смотрел наши парады?

– О, у нас часто пугали народ, показывая по телевидению колонны танков и ракет, которые с Красной площади направлялись прямиком в маленькую Бельгию.

– И вы в это верили?

– Как не верить, когда они стояли в половине стран Европы, – Ги повернулся к Александре. – Шучу. У нас в основном смотрят кулинарные ток-шоу и сериалы. Хотя нет. Пару

лет назад кто-то выступил с заявлением, что страну разделят на две части по языковому признаку. Вот это был скандал. И премьер и Альберт долго не могли успокоить народ. А это был всего лишь экстравагантный опрос общественного мнения.

– Весело живете.

– О, да. Бунтарский дух и освободительные традиции очень сильны. Не зря в Брюсселе штаб-квартира НАТО. Он с иронией посмотрел на женщину.

– Я шучу.

Они помолчали, наблюдая за плотным движением на автостраде.

– Если говорить о литературе, то наиболее известными авторами были те, кто писал на французском. Это Стревельс, Гиссен и Реланте, но их имена сохранились только в учебниках. Единственно, кого иногда упоминают сейчас, это Костер и Валлер.

– Шарль де Костер?

– О, ты, наверное, читала легенды о Тиле.

– Да, у нас и фильм был об Уленшпигеле.

– Вообще-то Шарль остался незамеченным в свое время. Он почти десять лет собирал материал о реальном персонаже, храбром шуте. Потом сделал из него крестьянина и перенес на два века позже, заставил воевать с королями и епископами. Однако популярность пришла к нему много позже, возможно, из-за своеобразного французского языка.

– Он известен и в России.

– О, его легенды переведены на все европейские языки.

Более поздним романистам Грейсону, Леклерку и Бемелю повезло меньше. О них вспоминают только студенты. И то – в сессию.

– А ты хорошо знаешь литературу.

– У меня был замечательный преподаватель в университете. Четыре года в Брюсселе.

– Как же ты попал в Гент?

– Литературой занимаются только фанаты. Если хотите ездить на хорошей машине, нужно заниматься бизнесом.

– Кто это придумал, – подхватила Александра. – У нас то же самое. Я проработала почти десять лет в архиве министерства, а достойную зарплату начала получать только у Наталии Михайловны.

– Да, Натали – хороший хозяин, – Ги включил сигнал поворота. – Вот мы и приехали.

Припарковав машину на стоянке у набережной, они отправились на прогулку по городу. Антверпен был разделен рекой Шельде на две части. Правый берег занимал старый город с самыми интересными памятниками и зданиями. Прежде всего, молодые люди направились к замку.

– Алекс, это один из самых старых и красивейших замков Бельгии. Он очень важный, у него даже нет собственного имени. Его так и называют – замок, и все. По-фламандски – «стен», и каждый знает, что это замок в Антверпене.

– А темная полоса вдоль стен— это краска?

– Нет. Его заложили норманны в девятом веке. Стен вообще первая крепость на Шельде. Потом достраивали и перестраивали другие хозяева, потому и камень иного оттенка. Некогда Стен принадлежал Готфриду Буйонскому – знаменитому вождю первого крестового похода. Позднее замок стал резиденцией городского самоуправления, а во времена испанского владычества здесь размещалась инквизиция.

– Испанская?

– Да, в Средние века наши земли входили в состав Испанской империи. А вот там, чуть дальше, расположена печатня Плантена, которая была единственной типографией, где при Филиппе Втором было дано право печатать богослужебные книги и молитвенники для испанского королевства. Она проработала вплоть до девятнадцатого века.

– Вот как? – удивилась Александра. – А мы зайдем в Стен?

– Конечно, у нас не менее часа.

Прижавшись к своему провожатому, Саша с восторгом разглядывала высокие, почти без окон, мрачные стены замка. Никаких украшений, кроме флагов над башнями, не было. Пологий подъем привел их к арочным воротам, через которые они попали во внутренний двор. Табличка с расписанием работы музея гласила, что у них оставалось не так много времени. Массивные, окованные железом двери распахнулись, и молодые люди оказались внутри. Мрачные каменные коридоры, по которым гуляло эхо, были едва освещены, зато

в комнатах горели факелы, позволяющие разглядеть скромное убранство. Почти не разговаривая, они миновали трапезную, спальню, просторный зал для торжественных приемов и даже комнату пыток. Когда же они поднялись по узкой винтовой лестнице на вершину боковой башни, свежий ветер стер мрачное впечатление казематов. Небольшая круглая площадка, обрамленная толстой резной стеной, в точности как шахматная ладья, позволяла насладиться великолепным видом.

Аккуратные, словно игрушечные, здания приводили в восторг. При постройке применялись серый и черный песок, по которому кружевом оставлял свой след красный кирпич. Узкие высокие окна старых домов придавали ощущение устремленности ввысь. Черные и красные остроконечные крыши, украшенные шпилями, усиливали это впечатление.

– Какой сказочный город, – вырвалось у Саши. – Мои детские книжки были именно с такими картинками.

– А там, справа, видишь большую площадь?

– Да. Как здорово уложена брусчатка. Словно кружева.

– Это площадь Веермаркт, – пояснил Ги. – На восточной стороне церковь святого Павла. Ее строили почти полторы сотни лет. С шестнадцатого века там находится орден Доминиканцев.

– Столько скульптур на портике...

– Ты не видела картины внутри. Антверпен— город Ру-

бенса. Да, резьбу по дереву в алтаре делали его ученики.

– Эх, когда же это все посмотреть! – с сожалением протянула Саша.

– Чуть дальше видишь зеленоватый купол крестообразной базилики?

– Да.

– Это церковь святого Якоба. Начали строить в пятнадцатом веке, а закончили в конце семнадцатого. Внутри по обеим сторонам идут капеллы, они сходятся к многоярусным хорам. Это грандиозное сооружение. Когда там проходят концерты, в Антверпен съезжается вся Европа. Достать билеты очень сложно. Мне дважды посчастливилось, слушал итальянцев и мессы Баха. Ты знаешь, это просто потрясающе. Впечатление на всю жизнь.

– Везет же некоторым, – грустно вздохнула спутница.

– На День присяги короля здесь непременно будет что-нибудь. Я тебя приглашаю. Приедешь?

– Я бы и не уезжала, – грустно пошутила Саша.

Порыв весеннего ветра растрепал ее волосы. Полотнища огромных флагов захлопали на ветру. Разноцветные, с золотистыми гербами, они гордо развевались над городом с такой богатой многовековой историей.

– Кстати, в одной из гробниц за барочным алтарем собора покоится Питер.

– Питер? – переспросила она.

– Питер Пауэл Рубенс.

– Мне очень стыдно, но я забыла его имя, – Саша помолчала. – Как ты думаешь, он простит меня?

– О, это был жизнерадостный и общительный мужчина. Такой очаровательной женщине, как ты, он простил бы многое. Я уверен.

– Спасибо.

– Нет, только не мне, – улыбнулся Ги. – Посмотри вон туда, – он показал своей спутнице на высокое красивое здание, что просто царствовало над старым городом. – Это кафедральный собор, рядом городская ратуша с разноцветными флагами и площадь.

– Вижу.

– Это Зеленая площадь, он там стоит, и ты ему все расскажешь.

– Кому?

– Питеру.

И, действительно, в центре старого города, на большой площади перед собором, стояла бронзовая фигура Рубенса. Великий фламандец был облачен в просторную блузу-безрукавку без головного убора, пышные шаровары заправлены в сапоги, у ног лежит палитра с красками. С высоты постамента его мощное тело просто царствовало над прохожими. Взгляд чуть наклонен, жест огромной развернутой ладони застыл в порыве.

– Как здорово схвачен момент, – с восторгом прошептала Саша, прижимаясь к руке своего гида. – Такое впечатление,

что он смотрит именно на меня.

– И что-то хочет сказать, – подтвердил Ги. – Он только раздумывает, говорить или нет.

Мимо них прошла девчужка лет пяти с букетиком и положила цветы к подножию памятника. Оглянувшись, скорее всего, на родителей и побежала обратно. Саше вдруг вспомнилось, что и она так же с родителями приходила когда-то к памятнику. Это было очень давно, но воспоминания были яркими. Правда, это был памятник павшему в боях солдату. Он был изображен сильным и грустным. Вообще, Саша не помнила веселых памятников. В ее детстве были только скорбящие войны и вечно живой Ленин. Памятников зверушкам, птицам, писающим мальчикам или девочкам она там не встречала. А цветы всегда возлагали под нестройные звуки оркестра, который так и не выучил песню о гвоздиках. В школе Саше часто поручали не дарить или преподносить, а именно возлагать цветы от октябрат, от пионеров, от комсомольцев, от организации, от совета дружины. Наверное, потому, что у нее при этом было грустное выражение лица. Солдаты в полный рост и бюсты генералов при этом не смотрели на Сашу, а Ленин, не знавший, куда девать свою кепку, вообще всегда призывал двигаться в какие-то дали. Экспонаты не хотелось потрогать или поговорить с ними.

Сейчас она поймала на себе взгляд великого Рубенса и застыла на месте. Он смотрел именно на нее какими-то вдумчиво-понимающими глазами. Не призывал вечно пом-

нить или стремиться к победе— просто заглядывал в душу. Наверное, чтобы правдиво изображать переживания людей, нужно их очень хорошо понимать. Каждого. В отдельности. Интересно, это дар Божий?

– Ну что, будешь каяться? – издали донесся голос Ги.

– В чем? – не поняла она.

– Я не знаю. Ты на башне замка сказала, что хочешь что-то сказать Питеру.

– Да, – замешкалась она. – Нет. Вернее, попросить прощения.

– Тогда стой здесь и никуда не уходи.

Не успела Саша возразить, как ее спутник исчез в толпе, заполнившей огромную площадь. Она даже не испугалась, что стоит одна в чужом городе, в чужой стране и не представляет, как ей отсюда добраться до гостиницы... Ги появился с букетом азалий.

– Питер любил именно этот сорт, – прошептал он, протягивая ей цветы.

Александра была бесконечно благодарна кареглазому мужчине, так тонко почувствовавшему ее настроение. В знак благодарности она едва коснулась губами его щеки и уловила почти неслышимый терпкий аромат его духов. Это ей понравилось. Саша вообще была очень требовательна к мужскому парфюму И такое было впервые в жизни. Почти за семь лет супружеской жизни она так и не приучила бывшего мужа к этой нехитрой науке. Он пользовался каким-то жутким

лосьоном после бритья и отказывался поменять его, так как привык. Каждое утро, уходя на работу и делая вид, что целует ее на прощанье, он грубовато притягивал Сашу к себе, отчего у нее всегда перехватывало дыхание. Не от чувства— от запаха.

Александра бережно положила букетик азалий к ногам великого фламандца, прошептав так, чтобы никто, кроме него, не слышал: «Теперь мы знакомы, Питер. Не сердись, что я раньше не помнила твое имя». Ей показалось, что мастер чуть кивнул в знак согласия.

– Получилось? – Ги совершенно очаровательно улыбался.

– Он сказал, что подумает.

– При виде женской красоты все мысли покидают разум, могу я лишь дарить цветы, об остальном забуду разом.

– Ты коварный искуситель, – Саша покачала головой.

– Почему?

– Какая женщина устоит перед цветами и стихами.

– Ну что ты, – совершенно серьезно ответил Ги. – Цветы— мастеру, стихи не мои.

– Прости, я размечталась, – она отвернулась.

– В мечтах я мир тебе отдам, да что там мир, вселенной мало, ступая по твоим следам, я знаю: все иначе стало.

Ее плечи вздрогнули и напряглись, но она не повернулась.

– Весь мир заполнился тобой, дышу и слышу по-другому, ты заслонила все собой, разлив в моей душе истому.

Ги нежно обнял за плечи свою спутницу, не проронив ни

слова. Она еще сопротивлялась какое-то время, но потом приникла к его широкой груди, сжавшись, словно ища защиты. Он ласково гладил ее короткие волосы. В этот миг что-то произошло между ними. Мимолетное. Незримое. Это было доверие. Саша неожиданно для себя доверилась незнакомому человеку, а он очень деликатно принял ее порыв. Не мимоходом, не снисходительно, а очень бережно. Понимая, как это непросто вот так вдруг довериться. Случайные порывы всегда искренни. Наши братья меньшие живут именно так. В порыве. Они учатся хитрить только у своих хозяев, подражая их повадкам, чтобы выпросить лишний кусочек, но так поступают только домашние болонки. Настоящие псы верны до конца дней своих, и не за лишний кусок. Умирая, они не разожмут зубов, спасая друга, как бы ни было тяжело.

В сумке у Саши зазвонил сотовый. Она не сразу сообразила, что это именно ее телефон. Мягко отстранившись от Ги, молодая женщина сняла сумочку с плеча и отыскивала маленький изящный аппаратик.

– Простите, Наталья Михайловна, мы на улице. Нет-нет, все хорошо.

Очень быстро Сашино лицо стало серьезным. Она выслушала вопрос патронессы и утвердительно кивнула головой сама себе.

– Да, я помню данные за первый квартал. По московскому региону было тридцать два процента. Из них две трети легли на март.

Саша чуть снизу посмотрела на Ги. Бельгиец улыбнулся, показывая жестом, чтобы она не беспокоилась.

– Это точно, Наталья Михайловна, мы можем принимать по две фуры в неделю только в Москве. Я сейчас перезвоню логистикам и уточню по Кемерово и Новосибирску. Дайте мне десять минут.

Ги понимающе кивнул, остановив все попытки объяснений. Они подошли к скамейке, где можно было удобно расположиться и заняться делами. И действительно, переговоры по телефону не заняли более четверти часа. Когда Саша спрятала свою «моторолу» в сумку и обернулась к своему спутнику, тот как ни в чем не бывало продолжил.

– Нам непременно нужно посмотреть фонтан Брабо.

– Непременно, – подхватила она шуточный тон своего гида. Он задержал свой ласковый взгляд на ее лице. Оно вновь оживилось, стряхивая деловые черты. Женщине хотелось быть счастливой в этом сказочном городе. Пусть все так неожиданно случилось, она разберется с этим позже, а сейчас хотелось кружиться в феерическом водовороте замков, дворцов, удивительно чистых площадей и улиц, необычно красивых домов, украшенных не только ажурными узорами кирпичной кладки, но и цветами, отчего они представлялись невесомыми. Да и весь этот город выглядел ненастоящим, призрачным, отчего хотелось верить в сказку. И кружиться, кружиться в ней. Как в те далекие детские годы, когда маленькая Сашенька играла в куклы, наряжая их в разноцвет-

ные платья. Куклы встречали принцев и кружились с ними от переполнявших их чувств. С тех пор и у Саши было так же. Если наступал счастливый момент в ее жизни, ей всегда хотелось кружиться. Ну, хотя бы мысленно. Закрыв глаза представить, как ее пышные разноцветные юбки веером понимаются, обнажая колени.

Чтобы побороть нахлынувшее чувство, Александра положила ладони на юбку, разглаживая невидимые складочки к коленкам. Она улыбнулась своим детским воспоминаниям, едва покачав головой. Вот ведь как бывает. Ей за тридцать, а в голове все те же наивные мечты. Хочется быть счастливой, несмотря ни на что. Кареглазый поманил ее, и она уже готова бежать с ним, куда глаза глядят. Но ведь не зря. Какой мужчина!

– А что это он держит в руке? – спросила Саша своего гида, разглядывая скульптурную статую необычного фонтана в центре огромной площади, вымощенной отполированным булыжником.

– На голову побежденной медузы Горгоны не похоже.

– Это рука поверженного великана.

– Тот, что лежит внизу? Ну, не такой уж он и великан.

– Алекс, это же легенда, – преувеличенно серьезно возмутился Ги. – Представьте себе, что очень давно...

– Все русские сказки начинаются с фразы «давным-давно», – не удержалась и прервала его Саша.

– Хорошо, – улыбнулся Ги. – Давным-давно на этом самом

месте стоял замок великана, по имени Друон Антигон. Это был очень жадный и хитрый великан. Он протянул толстую цепь через Шельде и требовал с каждого корабля дань. Если кто-то отказывался платить, Антигон отрубал несчастному кисть руки. Потом великану и этого стало мало, и он начал требовать дань с крестьян. Все роптали, но отдавали кровопийце последние деньги. И так было до тех пор, пока отважный юноша, по имени Сальвий Брабо, не одолел великана в честном бою. Чтобы ни у кого больше не возникало подобных мыслей собирать дань с бельгийцев, юноша отрубил руку великана и забросил ее в Шельде. Скульптор Массейс как раз изобразил здесь Брабо, забрасывающего руку великана в реку.

– Красивая легенда. А кто эти женщины, что держат на руках постамент с героем?

– Это русалки, живущие в Шельде. После победы они подняли его над водами, чтобы всем было видно.

– Чтобы ни у кого более не поднялась рука на такое?

– Давай посоветуем бургомистру добавить такую надпись у подножия фонтана.

– Нет-нет, – вскинулась Саша. – Ничего добавлять не нужно. Композиция очень динамичная, и так все понятно. И, скорее всего, фонтан неслучайно установлен именно здесь.

– Ты права. За фонтаном ратуша. Видишь позолоченный герб Антверпена, а в нишах стоят скульптуры?

– Да, – она обернулась. – Они тоже отрубали руки?

– Нет. Они прославились своей неподкупностью и честностью в решении многих торговых споров.

– Да, я бы в Москве тоже такой фонтан поставила. Напротив мэрии.

Ги рассмеялся и обнял ее за плечи.

– Пойдем к собору Богоматери. Каждый час там звучат колокола. Сейчас без десяти семь, мы успеем.

К тому времени на соборной площади было множество туристов и прохожих. Некоторые задирали головы, разглядывая высокую башню и само здание собора, но основная масса явно ожидала другого. И не случайно. Едва стрелки часов показали ровно семь, как где-то в вышине, в недрах башни зазвучали колокола. Чистый, мощный звук переливался и усиливался, отражаясь от соседних зданий. Эта волна словно застыла над площадью, приводя в трепет всех присутствующих. Мелодия то поднималась, то замирала, рождая в душе удивительное созвучное настроение. Какой-то восторг рождался у каждого слушателя. Несомненно, колокольные переливы были делом рук большого мастера, учитывавшего все особенности площади, собора и других строений вокруг.

– Это было великолепно, – вырвалось у Саши, когда звук затих, теряясь где-то в переулках, выходящих на площадь. – Так гармонично и возвышенно, – она прижала обе руки к груди. – У меня все внутри отозвалось. Здорово.

– Да, сорок колоколов. В свое время еще Дюрер востор-

женно писал о них.

– Почему именно сорок?

– На этом месте некогда стояла маленькая деревянная часовенка со статуей Богородицы. Это главная святыня Антверпена. После пожара, когда статую едва удалось спасти, решили строить новый собор. В 1352 году мастер Жан Амель заложил новый собор Девы Марии. Он отдал строительству сорок лет жизни, а потом его дело продолжил сын. Так появилось сорок колоколов.

– Красивая память, – еле слышно отозвалась Саша, с грустью вспоминая, что история российская не хранит с таким трепетом память о своих великих мастерах.

– Пойдем, – Ги настойчиво потянул свою спутницу за руку. – Ты непременно должна посмотреть церковь святого Карла.

– Почему непременно? – удивилась Саша.

– Считается, что фасад церкви, ее ризницу и капеллу проектировал сам Питер.

– Тогда, действительно, непременно, – согласилась она.

В который раз Саша отмечала, что почему-то доверяет этому обаятельному кареглазому мужчине. Она без сомнений поехала с ним в чужой город, послушно идет от одного собора к другому, и при этом у нее не возникает чувства тревоги. Да что там тревоги! Ей очень спокойно и уютно рядом с ним, ей удивительно хорошо. Она видит его второй день в

жизни, а кажется, что он всегда был рядом. Ну, по крайней мере, давно. Саша даже окинула взглядом лицо Ги. Украдкой, ненавязчиво, чтобы он не заметил ее любопытства. Ничего особенного. Приятное открытое лицо, разве что карие глаза с лукавинкой. Ну так он не школьник, краснеющий от прикосновения. Ему, должно быть, около сорока.

Саша опять поймала себя на мысли, что впервые задумалась о его возрасте. Вернее, вообще о том, кто этот мужчина. Она увлеклась, как девчонка, и ей это безразлично. Неважно, сколько ему лет и где он живет, есть ли у него семья и какая зарплата. Сейчас ей просто хотелось быть рядом с интересным мужчиной, слушать его рассказы и стихи. Чувствовать его запах и то, как он бережно обнимает ее за плечи. У него красивые и нежные руки. Интересно, дойдет ли у них до постели. Ей вспомнилось случайное прикосновение к его губам. Горячим и мягким. Отзывчивым, но не требовательным. Саше даже не хотелось думать, что эти губы наверняка целовали и ласкали других женщин. У нее даже не возникло такой мысли. Кареглазый принадлежал только ей. Для нее он шептал забавные и трогательные стихи. Только ей он рассказывал о красивых соборах и замках, только для нее он сейчас жил на земле.

– Вот, полюбуйся на это чудо, – голос Ги прозвучал неожиданно близко. – Церковь была освящена во имя знаменитого итальянского архиепископа Карла Борromeуса, при-

численного к лику святых.

– Красивая. Необычно красивая церковь.

– Одна из немногих в нашей стране, относящихся к стилю барокко. Мы успеем заглянуть внутрь. Там еще идет служба.

Они зашли в храм, поражающий четкими линиями и яркими формами. Элегантные ионические колонны поддерживали высокий свод. Вся конструкция казалось легкой и изысканной. Воздушной. Они присели на краю длинной скамьи из темного дерева. Отполированная многочисленными прикосновениями, она, казалось, хранила тепло тысяч людей. Сюда приходили поговорить с Всевышним, о чем-нибудь его попросить или пожаловаться, а возможно, надеялись на мудрый совет. Очевидно, за многие годы их немало побывало здесь, но тишина и покой хранят эти тайны.

На серых стенах были расположены большие монументальные картины на библейские сюжеты. Мастерски выполненные работы притягивали взгляды. Их хотелось рассматривать и вникать в суть изображенного действия. Массивные золоченые рамы тускло поблескивали в свете горящих свечей. Где-то далеко впереди, у алтаря, священник, облаченный в белые одежды, что-то читал густым низким голосом. Двое служек помогали ему. Неторопливо и уверенно они делали свое дело, хотя не все присутствующие были увлечены этим процессом. Некоторые так же, как Саша и Ги, забрели сюда ради любопытства, но на них не обращали внимания.

– Мне всегда казалось, что картины как окна в другой

мир, – прошептала Александра, наклоняясь к уху своего спутника. Он молча обернулся и удивленно посмотрел ей в глаза. Потом тихо проговорил:

– Какой красивый образ— окно в другой мир.

Саше стало неловко за свою маленькую хитрость. Поколебавшись, она созналась.

– Вообще-то, это не мои слова, фраза о картинах принадлежит Ремарку.

– Ремарк? – искренне удивился тот. – Коммунисты читают Ремарка?

– Ну, не все в России коммунисты, – прошептала Саша над самым его ухом. – А вот Ремарка в России читают. Читали, по крайней мере.

– Интересно, – оживился Ги. – И кто же тебе запомнился?

– Мне очень близки образы Пат и Рут.

– Правда?

– Теперь ты задаешь мне этот вопрос, – грустно усмехнулась Саша.

На них обернулись. Осуждающих слов сказано не было, но возмущенные взгляды были более чем красноречивы. Пристыженная Александра потупила глаза, а Ги дернул ее за рукав, увлекая за собой.

Они вышли на улицу. Уже зажглись огни, и сказочный город поглотила волшебная ночь. Майская прохлада стала забираться в рукава легких костюмов. Прохожие не хотели покидать старый город и кутались в свои дневные одежды. Ги

посмотрел на часы и предложил до возвращения в Гент прокатиться по Антверпену на машине. Саша согласилась. Ей было неуютно оттого, что она стала причиной их бегства из красивой церкви, да и от присвоенных ею чужих слов.

– Знаешь, ты меня удивила, – неожиданно произнес Ги на ходу. – Признаться, у меня русские ассоциировались с другим образом.

– Водка, икра и медведь с гармошкой?

Он расхохотался так неожиданно, что Саша вздрогнула.

– Слушай, а что у вас по Москве, – Ги еле выговаривал слова, – медведи уже не ходят?

– Только зимой, когда город по маковки заносит снегом.

– Что такое маковки? – едва выдавил из себя Ги.

– Купола церквей, куда залезают пьяные мужики.

– Зачем? – кареглазый на миг остановился, пытаясь понять, насколько серьезно говорит его спутница.

– Играть на гармошках... Когда до него дошел смысл фразы, он взвизгнул и засмеялся таким высоким голосом, что Саша не выдержала и рассмеялась следом. Ги буквально согнулся пополам от накотившего спазма. Потом он выпрямился и принялся изображать руками играющего на баяне подвыпившего мужичка. Это было так забавно, что Александра стала ему подыгрывать. Прохожие с завистью поглядывали на молодую пару, так искренно смеявшуюся посредине улицы. Им явно хотелось присоединиться к раскрасневшейся иностранке, сопровождаемой элегантным мужчи-

ной. Скорее всего, южанином. Те, кто растратил свои эмоции, а возможно, никогда и не владел ими, любят подглядывать или смотреть бесконечные сериалы, где всегда понятно, кто есть кто. Ну, на худой конец, для них озвучивают смех за кадром в нужных местах сюжета.

– Слушай, вот никогда не думал, что я тоже дитя стереотипов, – все еще улыбаясь, сказал Ги, прикуривая сигарету. – Оказывается, корни глубокие.

– Заметно, – грустно усмехнулась Саша, доставая из сумки пачку легких сигарет.

Они сидели в хорошей спортивной машине, катившейся по набережной Шельды. Темное пространство водной глади, словно река времени, разделяло Антверпен на две неравные части – старый и новый город.

– Странно, ни одного моста не вижу, – задумчиво сказала Александра, щелкнув зажигалкой.

– И не увидишь, – не отрываясь от дороги, откликнулся Ги. – Их попросту нет. Под Шельде построили тоннели.

Огоньки вдоль бордюрных камней стали заворачивать, и машина следом за ними нырнула в ярко освещенный тоннель. Шум от машин в ограниченном пространстве нарастал, и Ги включил проигрыватель. Звуки симфонического оркестра заполнили салон, привнося некую мистичность происходившему. Словно повинуюсь законам фантастического романа, молодые люди совершали прыжок в гиперпространстве из прошлого в настоящее. Позади остались замки, собо-

ры, церкви и картины Рубенса, впереди появился огромный современный город, со вторым по величине портом Европы и главной алмазной Меккой Старого Света.

– Как красиво, – заморожено прошептала Саша, когда машина вырвалась из тоннеля в сияющее миллионами разноцветных огней неоновое море. Они неслись по широкому современному проспекту, среди высотных зданий, в стеклянные стены которых с размаха налетали волны сверкающего огнями моря и, вздымаясь кверху, рассыпались под их крышами.

– Я приглашаю тебя в трюм, – неожиданно сказал Ги.

– Ты имеешь в виду корабль?

– Нет, так называется пивной ресторан. «Трюм».

– Лучше погуляем по городу, есть не хочется. Я никогда не была здесь.

– Мы и будем гулять. Просто зайдём выпить по бокалу хорошего пива и выкурить настоящего голландского табака.

– Ненадолго?

– Конечно. У нас принято заходить в кафе и ресторанчики ненадолго. Выпить кружку пива, чашку кофе, встретиться с кем-нибудь...

– А поужинать?

– Ты имеешь в виду, как мы вчера ездили «На холм»? Она кивнула.

– Ну, это не так часто. Многие заходят после работы на полчаса. В одно или два места. Поговорить с приятелем, вы-

курить сигарету. На улице не принято.

– А с друзьями? В субботу или на праздник?

– О, когда мы собираемся компанией в десять человек, мы любим ходить из одного бара в другой. Везде разные люди, разная музыка или разговоры. Пять – шесть ресторанчиков за вечер.

– Правда? – Саша повернулась к своему спутнику. – Ой, прости. У нас наоборот, принято подолгу сидеть в одном ресторане. Причем «на все».

– Что значит «на все»?

– Это когда отдают все деньги из карманов.

– Загадочная русская душа, – Ги пустил струйку дыма на лобовое стекло, но она растворилась по пути. – Я помню эту сцену у Достоевского, когда женщина кидает деньги в огонь. До сих пор не понимаю.

– Ты прав. Не все понимают этот порыв. Впрочем, далеко не все русские так поступают.

– Правда?

Они рассмеялись вместе.

– Знаешь, я бы хотел приехать в Москву. Посмотреть все своими глазами.

– Приезжай, конечно. Буду твоим гидом.

– Это звучит очень неприлично... Когда мужчина напрашивается в гости.

– Что ты, по русскому обычаю ты просто обязан приехать. Иначе я обижусь.

- Почему? – искренне удивился кареглазый.
- Таков обычай.
- О, мне все больше нравятся эти русские традиции.
- Водка, икра, гармошка...
- Нет, – он замялся, вспоминая что-то, потом нашелся. – Начнем с маковки.

Они рассмеялись. Им было легко и хорошо вдвоем, а по улицам утопающего в огнях Антверпена разгуливал май. Озорной и задиристый. Он не мог просто степенно расхаживать по вычищенным до зеркального блеска тротуарам или смотреться в тонированные стекла дорогих магазинов. Ему нужно было нечто особенное. И этому хмельному азарту поддавались многие прохожие, вышедшие в этот чудный вечер прогуляться по улицам одного из самых красивых и незаезженных городов Европы. Пьянящий майский дух проникал в кровь, как наркотик, затуманивая сознание и устраняя надуманные запреты. Все скрытое днем просыпалось ночью и влекло истосковавшиеся за зимнюю спячку тела. Навстречу неизведанному.

Ги осторожно припарковал машину, буквально втиснув ее корпус между двух других, как нитку в угольное ушко. Потом боком выскользнул из едва открытой дверцы, а Сашу вытащил на руках через заднюю дверь. Она доверчиво обняла его за шею, вновь уловив его запах. Он нравился ей. Все больше и больше, и она не сопротивлялась. Когда Ги сделал несколько шагов от машины, но остановился, не решаясь от-

пустить ее, Саша попросила:

– Покружи меня, Ги.

Он улыбнулся и закружился в каком-то странном танце. Огни над головой поплыли, сливаясь в длинные яркие линии, и только карие глаза нежно смотрели на Сашу. Она поняла в ту минуту, что перешла еще один Рубикон, и почувствовала, что если он захочет, она будет принадлежать ему. Хоть сейчас. Конечно, она никогда ему об этом не скажет, и будет сопротивляться, и будет беречь... Александра хотела было подобрать слово, которое смогло бы обозначать именно то, что она смогла бы беречь, но не нашла. Голова шла кругом, и ей было несказанно хорошо. В чужой стране, с мужчиной, о котором она почти ничего не знала... Только карие глаза, строчки чужих стихов и этот приятный запах, что кружил и кружил ее голову.

Наверное, это проказник май заметил симпатичную пару и что-то сотворил с ними среди моря огней, превращавших город в страну, где хочется любить и быть любимой. Желать и чувствовать себя желанной. Застыть на грани между хочу и получаю, между мечтой и реальностью, когда уже кажется, что все вот-вот начнется, но все еще впереди. Глупцы перешагивают эту грань, разрушая иллюзии, и лишь те, кто понимает, могут парить над своим желанием, предвкушая долго-долго тот миг, когда все начнется. Когда все решено, когда наступает уверенность, что все будет, но еще можно задержать этот миг, продлить его бесконечно долго и наслаждаться-

ся. Это умеют не все. Саша знала, что им повезло. Они оба чувствовали это и не торопили события, а, затаив дыхание, парили над гранью. Тонкой незримой чертой, перешагнуть которую им суждено.

– Осторожно, тут ступеньки, – Саша очнулась от своих мыслей, не понимая, где находится. – Ступеньки, – опять донеслось издалека.

Ги взял ее под руку, и они стали спускаться к двери, расположенной ниже уровня тротуара. Звякнул входной звонок. Навстречу медленно кралось облако табачного дыма. Саша приготовилась закашляться, но ничего не произошло. Дым был удивительно приятным. Откуда-то возник одетый пиратом официант. Весело поприветствовав Ги, он провел их через небольшой зал к свободному столику. Ловко усадил гостью на стул в виде настоящей бочки и щелкнул выключателем. В стене засветился иллюминатор, вернее, лампа в виде настоящего корабельного иллюминатора с картинкой экзотического острова. Из невидимого динамика под столом донеслись звуки моря. Скрипели корабельные мачты и плескались волны.

– Тут можно выбрать любое пиво из трехсот тридцати трех сортов в меню.

– Правда?

Они опять рассмеялись.

– Обрати внимание на корабельный устав. Увидев замешательство своей спутницы, Ги объяснил:

– На первой странице меню крупными буквами. Видишь?

– Вижу, но прочесть не могу.

– Прости, это по-фламандски, – озадаченно произнес

Ги. – Капитан, то есть хозяин «Трюма», обещает каждому гостю тысячу пиастров, если выбранный посетителем сорт пива, из тех, что указаны в меню, будет отсутствовать в погребке.

– А пиастры настоящие?

– Конечно, – карие глаза лукаво блеснули. – Будешь выбирать сама?

– Говорят, новичкам везет в игре, – азартно потирая руки, Саша начала листать меню в толстом кожаном переплете. – Эти названия мне ничего не говорят. – Она закрыла глаза и подняла указательный палец. – Пусть выберет случай.

Когда ее пальчик ткнулся в текст меню, Ги ловко передвинул его на другую строчку так быстро, что Саша еще не успела открыть глаза.

– Ты попала между строк, – пояснил он. – Я лишь пододвинул на соседнюю.

Подошел официант с огромным подносом, уставленным коробочками с табаком и двумя трубками. Он церемонно поставил свою ношу на стол и, приняв заказ, удалился.

– Что это? – Саша удивленно вскинула ресницы.

– Здесь несколько сортов замечательного табака. Его предлагают, как аперитив, вместо спиртного.

– Но я не курю трубку.

– Попробуй, – улыбнулись в ответ карие глаза. – Сначала просто понюхай.

Он открыл одну из коробочек и передал Саше. Она поднесла ее к лицу и закрыла глаза от удовольствия. Несмотря на табачный дым, клубившийся под потолком, где с ним боролась система кондиционирования, запах был необыкновенным.

– Да это же вишня, – воскликнула Саша. – Как вкусно пахнет!

– А теперь попробуй этот, – Ги протянул другую коробочку.

– Слива... Нет, пожалуй, алыча. Никогда не думала, что табак может быть таким потрясающим. А этот просто медовый. Господи, как им это удастся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.